

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ю. БУРТИН

★

О ЧАСТУШКАХ

1

Частушку в России знают все. С конца прошлого столетия и до наших дней она была и остается одной из характернейших примет народного быта, в особенности сельского. Сошлемся на свидетельства современных писателей — знатоков деревни.

Ефим Дорош, «Деревенский дневник»: «Долго тянется воскресный день летом в деревне. На травке возле изб сидят старухи с внучатами. Тут же и женщины помоложе. Появился первый гармонист, лениво растягивая гармонику, прошелся серединой улицы. Вышли и девчата, сперва — подростки, а за ними — невесты...

Появился еще один гармонист, и начался «елецкий», весьма распространенный по деревням танец. Танец этот состоит в том, что две или четыре девушки, выйдя в круг, принимаются медленно кружиться и отчаянно топотать ногами. Руки у них при этом безвольно опущены, лица — нарочито бесстрастные. От времени до времени какая-нибудь из девушек пронзительно выкрикивает частушку, выкрикивает с какой-то серьезностью, с подчеркнутой деловитостью:

Нас и хаот и ругают,
А мы хаяны живем,
Мы и хаяны — отчаянны,
Нигде не пропадем!..

До поздней ночи топчет под окнами «елецкий».

Александр Яшин, «Вологодская свадьба»: «Галя (невеста.— Ю. Б.) плакала плохо, вскрикивала фальшиво, и тогда на выручку ей пришла молодница, жена брата. Она пробилась в угол и с ходу взяла такую высокую ноту, так взвизгнула, прижав голову золовки-невесты к своей груди, что все

вздогнули. А девушки подхватили ее крик и запели частушки, более подходящие к судьбе этой молодки:

Не ходи, товарка, замуж
За немилрого дружка,
Лучше в реченьку скатиться
Со крутого бережка.

Не ходи, товарка, замуж,
Замужем неловко жить:
С половицы на другую
Не дают переступить.

Дела сразу пошли лучше: по-серьезному разжалобилась и завыла невеста, хотя лицо ее от слез только больше разгорелось, начали прикрывать глаза платками ее товарки, в голос заревели вдовы. Даже я едва сдерживал слезы: так получалось все естественно и горестно».

Петр Ребрин, «Головырино, Головырино...». По ночной деревне идут девушки и поют «страдания»:

«Где ж ты, милый,
Где ж ты та-а-ма,
А я здесь с тоски про-па-ла...

Вот платочек — сини коймы,
Утирайся, меня помни...

Они двигались по улице, в которой была пропасть лунного света. Ядреный морозный воздух, перехватывавший горло, звенел их молодыми голосами. Они были, наверно, слышны и за оврагом и на всех улочках и в закоулках этой нескладно разметающейся по кособорью деревни».

Ни один из процитированных авторов не занимается частушкой специально, но, рисуя современные деревенские картины, не может не упомянуть о ней. Впрочем, ее можно услышать и во дворе городского

многоэтажного дома: переселяясь в город, сельская молодежь привозит ее с собой.

Частушка — один из немногих живых жанров русского фольклора. Собственно, только она да еще анекдот (короткий устный рассказ сатирического или юмористического содержания) и представляют современное устное художественное творчество. Но анекдоту пока не везет. Его не собирают, не издают, не изучают. А между тем среди сотен и тысяч нынешних анекдотов немало поистине талантливых произведений, великолепных образцов современного народного юмора¹.

Частушка в этом смысле оказалась несравненно счастливее. Ей посвящаются книги и диссертации, ее исполняют по радио, то и дело издают — за годы советской власти в центральных и местных издательствах появилось несколько десятков частушечных сборников. Беда, однако, в том, что до самого последнего времени научное и художественное качество таких публикаций сильно уступало их количеству.

Когда один за другим просматриваешь сборники частушек, изданные в течение двух-трех последних десятилетий, то при некоторых внешних различиях (объем, оформление и т. д.) почти все они обнаруживают большую степень внутреннего сходства — в построении своем, в принципах отбора и организации материала.

Начать с названий. Обычно они звучат так: «Колхозные частушки», «Советские частушки», «Частушки наших дней» и т. д. В любом из этих заглавий уже заложено, как видим, определенное — тематическое или временное — ограничение состава публикации. Впрочем, само по себе такое ограничение еще не вызывает возражений. Наряду с полными публикациями частушечных записей без разделения материала по тем или иным временным, социально-историческим и прочим признакам вполне законны и могут иметь немалую ценность публикации более узкие, так сказать специализированные. Они могут быть вполне добротными, в полной мере отвечающими научным

принципам фольклористики и достаточно «представительными» с точки зрения изучения народной жизни. К тому же если употреблять приведенные заглавия («колхозная частушка», «советская частушка» и пр.) в их точном значении, то любое из них оказывается весьма широким и емким.

В самом деле, что такое, скажем, «советская частушка»? При простом и естественном взгляде на вещи это едва ли не всякая частушка, сложенная советскими людьми, родившаяся на почве советской жизни, т. е. всей жизни нашего общества в ее разнообразии, сложности и противоречивости. Это совместная, но отнюдь не одинаковая жизнь большого числа различных социальных слоев и групп, иные из которых довольно далеко отстоят друг от друга по своим интересам, бытовому укладу, материальной обеспеченности и культурному уровню. Взятая в разрезе историческом — это большая, героическая и трудная судьба нашего народа со всем, что в ней было: с комсомольским энтузиазмом первых пятилеток и с очередями за хлебом и ситцем, с победами и противоречиями коллективизации, с тридцать седьмым, сорок первым и сорок пятым годами, с великими стройками коммунизма и трудным бытом послевоенной деревни, с XX и XXIII съездами партии, с космическими успехами и многообразием наших ежедневных земных забот. Вполне понятно, что, произрастая на такой почве, частушка не может не быть явлением весьма пестрым и разнообразным.

Надо сказать, в двадцатые годы такое отношение к советской частушке было вполне обычным. Но впоследствии этот гермин стал все больше приобретать иное значение, гораздо более узкое. И если мы обратимся к высказываниям наших фольклористов тридцатых, сороковых и пятидесятых годов, то увидим, что для них это понятие — «советская частушка» (равно как и другие подобные ему: «колхозная», «современная» и пр.) — очерчивалось уже гораздо более строго.

«Современная советская частушка, — писал, например, В. Сидельников, — красочна, жизнерадостна и интересна по своему содержанию. Она поет: о партии, о Ленине и Сталине, о политическом и культурном росте трудящейся молодежи, об огромных культурных сдвигах в деревне, о новом, социалистическом отношении к труду, о Кон-

¹ О широте распространения и одновременно неизученности жанра современного «бытового и политического анекдота, существенно отличающегося от традиционных сказок-анекдотов», см., например, в учебнике П. Г. Вогатырева, В. Е. Гусева и др. «Русское народное творчество». «Высшая школа». М. 1966 стр. 328, 334.

ституции и т. д.»¹. Мысль о том, что принцип зачисления тех или иных частушечных текстов в «современные советские» должен быть строго избирательным, весьма рельефно выразила и А. Мореева. Характеризуя частушки, звучавшие на деревенской улице в начале тридцатых годов, она писала: «...если внимательно прислушаться к тому, что поют и как поют, можно убедиться, что не все в этом обильном песенном репертуаре одинаково ценно как с идеологической, так и художественной стороны. Бездарная халтура, пережитки буржуазного сознания, а порой и явные вылазки классового врага — вот отрицательная сторона частушечного репертуара в деревне, с которой победоносно борется жизнерадостная, остроумная советская частушка». И далее: «Вредной старой частушке наша передовая, комсомольская молодежь противопоставляет радостные песни, в которых органически сочетаются мотивы любви, труда и борьбы за лучшую жизнь строителей социалистического общества»².

Как можно видеть, «советская частушка» и «частушечный репертуар» тогдашней советской деревни для В. Сидельникова и А. Мореевой далеко не одно и то же. К советской фольклористы относят здесь только ту частушку, которая, во-первых, жизнерадостна и остроумна, во-вторых, свободна от каких-либо «пережитков буржуазного сознания» и отражает лишь совершенно определенный круг общественных тем, да и поет ее не кто иной, как «передовая, комсомольская молодежь». Словом, тут уже перед нами такое сужение жанра, которое определено чисто нормативными, оценочными критериями. Речь идет здесь уже о некоей, так сказать, «идеальной» советской частушке.

Впрочем, даже и такой принцип отбора еще можно как-то оправдать, если бы речь шла, например, о составлении карманных сборничков в помощь сельским пропагандистам и коллективам художественной самодеятельности. В конце концов сама по себе задача отобрать из частушечного репертуара советской деревни только то, что может

проиллюстрировать какие-то черты нового быта, нового отношения к труду, комсомольского энтузиазма и т. д., вполне уместна при составлении подобного рода сборничков.

Но, во-первых, в те времена, к каким относятся приведенные высказывания, подобный принцип отбора превращался уже в некую общую методологию, действие которой распространялось и на публикации, явным образом претендовавшие на представительность и научность. А во-вторых, отделяя «современную советскую частушку» от ее невоспитанного окружения, возводя ее в некий высший идейно-художественный ранг, наши фольклористы начинали уже предъявлять соответствующие требования и к самим творцам частушки. Им предлагалось нечто вроде производственного плана. «Задачи современной частушки,— читаем мы в одной инструктивной брошюре конца тридцатых годов,— показать яркие образы новых героев труда... энтузиазм и героизму всесоюзного социалистического соревнования».

Глубокая дружба народов СССР, моральное и политическое единство советского общества, советский патриотизм и вопросы обороны также должны занять почетное место в тематике частушки»¹.

Наряду с такими постоянными задачами определены были и временные. «Мы должны,— говорилось в той же брошюре,— мобилизовать гворческую активность массы частушечников на художественную пропаганду исторических решений XVIII съезда ВКП(б), на борьбу за реализацию важнейших задач Третьей пятилетки»². Подобным образом представляли себе общественную функцию современной частушки и многие другие фольклористы этого периода.

И вот примерно с середины тридцатых годов частушка стала предметом особого внимания. О ней заговорили, ее начали усиленно и повсеместно издавать. Собирались районные и областные семинары частушечников, устраивались смотры и конкурсы. Была выдвинута новая для фольклористики идея — о «руководстве частушечной самодеятельностью масс»³ и вообще фолькло-

¹ Вик Сидельников. О частушке (в кн.: «Русская частушка». «Советский писатель». М. 1941 стр. 7).

² А. Мореева. За советскую художественную частушку (в кн.: «Частушки». изд. «Крестьянской газеты». М. 1935, стр. 3, 4).

¹ А. Мореева, В. Боков, А. Големба, Н. Терновская, И. Чкаников. Как работать с частушкой. М. 1939, стр. 4

² Там же.

³ Там же. стр. 3.

ром¹. Правда, как показал опыт, на само народное творчество, на реальный «частушечный репертуар» деревенской улицы подобные мероприятия не оказали почти никакого влияния, зато во всем, что касалось печатных публикаций, какой бы то ни было «самотек» был начисто устранен.

2

Прежде всего здесь действовал принцип строжайшего отбора. Не случайно большинство частушечных сборников как в областях, так и в центре выходило в виде тошненьких книжечек небольшого формата. Свидетельства самих составителей на этот счет весьма красноречивы. «В распоряжении издательства,— говорилось, например, в предисловии к саратовскому сборнику,— было около десяти тысяч частушек. Из них включено в сборник менее одной десятой части»². А вот свидетельство, более близкое к нашему времени. Оно принадлежит К. Ф. Яковлеву, составителю сборника, изданного в 1959 году в Ярославле. Сообщив, что «в сборнике более трех с половиной сотен частушек», он поясняет: «Разумеется, не все собранное могло быть включено в эту книжку. Так, студентка Татьяна Соколова представила более тысячи частушек... несколько тысяч — в тетрадях любителя народного творчества Ивана Васильевича Белозерова»³.

Почему же нельзя было все это напечатать? Ответ весьма примечателен. Оказывается, составителя интересовали по преимуществу те частушки, которые «отмечены духом нашего времени» — в таком сугубо конкретном его понимании: «Новое дыхание времени сразу же чувствуется в первом разделе, который обозначен двуступишем:

Семилеточки шаги
По всей стране протопают»⁴.

¹ «Самотек в фольклоре больше нельзя уже терпеть». — заявлял, например, В. Чичеров в статье «Фольклор как средство агитации и пропаганды». В качестве организации, которая, по мнению исследователя, должна была следить за тем, как «выпрямляется линия развития устного творчества», он называл политотделы МТС («Советское краеведение», № 8, 1934, стр. 22, 23).

² «Колхозные частушки». Саратов. 1937, стр. 4.

³ «Частушки наших дней». Ярославль. 1959, стр. 3, 4.

⁴ Там же, стр. 4.

Подобные критерии отбора не были, конечно, изобретением К. Ф. Яковлева. К моменту выхода его книжки они давно и, казалось, нерушимо царили в издательской практике. Легче всего попадали в сборник частушки с общественно-производственным содержанием, «жизнеутверждающие» по своему настроению и смыслу. Частушки любовные встречали на своем пути плотный фильтр, сквозь который большинство из них не могло проникнуть. Что же касается так называемых «самокритических» частушек, то на этот счет в известной нам инструктивной брошюре содержалось следующее строгое указание: «Самокритические частушки на местные темы (возможность самокритических частушек на общие темы вообще не предусматривалась. — Ю. Б.) имеют ценность только в пределах создавшего их производственного или общественного коллектива, за его пределами они теряют свое художественное значение (?) и могут даже приобретать искаженный смысл в силу обобщающего характера образа частушки как жанра». В стенгазете их публиковать не возбраняется, «но ни в коем случае (!) такие частушки не следует печатать в районной или областной газете и тем более в сборниках»¹.

Итак, отбор. Но при такой строгости отбора возникла уже опасность, что подлинно народного частушечного материала, способного удовлетворить предъявляемым ему требованиям, окажется слишком мало. Поэтому широко пошли в ход частушки, которые З. И. Власова и А. А. Горелов именуют «самодеятельными». К этой категории относятся частушки, сложенные в коллективах художественной самодеятельности и профессиональной эстрады, а порой и просто сочиненные местными литераторами.

Изготовление таких частушек не требовало большой затраты умственных сил и, судя по всему, нередко носило характер крупносерийного производства. Взять, к примеру, в поминавшемся саратовском сборнике раздел, который озаглавлен: «Мы в колхозе зорким глазом за границей следим». На странице 48 читаем:

Гляну, гляну я на запад,
Гляну, гляну на восток,
Мой миленок лучший снайпер —
Ворошиловский стрелок.

¹ А. Мореева и др. Как работать с частушкой, стр. 33.

Чуть ниже эта тема варьируется так:

Хороши девчата наши —
Это знает все село.
Лучше всех моя Параша —
Ворошиловский стрелок.

Переворачиваем страницу:

У Сережи есть пригожий
Светлой кожи пиджачок,
Подруженьки, нам дороже
Ворошиловский стрелок.

На той же странице 49 безвестный автор убеждает сомневающихся:

В саду яблоки поспели,
Где четыре, где пяток,
Мой миленок в самом деле
Ворошиловский стрелок.

Ворошиловские стрелки встречают нас и на следующей, 50-й странице:

На мне платье кружевное
И батистовый платок,
Полюбил меня Афоня —
Ворошиловский стрелок.

Но сколько можно находить новых рифм и словесных фигур? Волей-неволей начинаешь повторяться:

Моего миленка знает
Все колхозное село,
Он селькор и лучший снайпер,
Ворошиловский стрелок.

На страницах саратовского сборника рассыпан целый взвод ворошиловских стрелков — мы могли представить читателю только часть из них. Подобные «крупные серии» легко обнаруживаются и в других разделах книги. Вот, уже без всяких комментариев, несколько выписок из «самокритического» раздела:

Я к Семену не пойду (?),
Мне Семен не нравится,—
Час работает на поле,
День без дела шляется (стр. 99).

Посмотрите на Акима:
Он без дела шляется.
Не гуляю я с таким,
Лодырь мне не нравится (стр. 100),

Я к Даниле не ходила (?),
Лодырь мне не нравится,
Он уборкой урожая
Плохо занимается (стр. 114).

Не хочу гулять с Борисом,
Лодырь мне не люб такой,

У Бориса транториста —
В поле каждый день простой
(стр. 108).

Распрощуся я с Ермилом,
Лодырь мне не люб такой,
Он работает лениво,
Час — на пашне, два — простой
(стр. 112).

И т. д. и т. п. Почерк, как видим, везде один и тот же.

Нельзя сказать, чтобы подобные «литературные» частушки отличались большими художественными достоинствами. Напротив, им, как правило, свойственны такие черты, как «убогость языка, отсутствие чувства внутренней формы слова, дидактизм, унылая унисонность...»¹. Однако они были хороши тем, что обычно оказывались вполне «на тему» публикации.

Правда, тут возникало одно деликатное обстоятельство, которое не так-то просто было обойти: «самодеятельные» частушки — с их индивидуальным авторством, с их предназначенностью для печати или для сцены — не подходили под понятие «фольклор» ни по каким признакам, кроме жанра. Признать подобные частушки фольклором — значило опрокинуть основные постулаты фольклористики: коллективность создания, изустность распространения, безыскусственность и др. Не признать — значило закрыть для них дорогу в сборники народной частушки.

В этом трудном положении на выручку практике пришла, как и полагается, теория. Поскольку прямо отстаивать фольклорный характер «самодеятельных» частушек было невозможно, вопрос ставился несколько иначе: какие частушки следует считать подлинно народными? Лукавство такой постановки вопроса заключалось в том, что к вопросу о подлинности частушки как произведения фольклора («народного творчества») незаметно примешивался вопрос об ее «народности» как произведения искусства вообще. Здесь-то и совершалась едва уловимая подмена понятий: теоретик, делая вид, будто отвечает на поставленный вопрос, незаметно переводил разговор в общеэстетическую плоскость рассуждений о народности. «Подлинно народной частушкой

¹ Ал. Горелов. Русская частушка в записях советского времени (в кн.: «Частушки в записях советского времени». «Наука» М.—Л. 1965, стр. 16).

будет та, которая отвечает запросам и вкусам населения»¹. «Частушка — независимо от того, кто ее сочинял — колхозник или профессионал-литератор, — будет подлинно народной, если она реалистически правдиво отражает жизнь народа, его мысли, чувства, его трудовую энергию, героизм в борьбе с внутренними и внешними врагами социалистического общества»². Всякая разница между настоящей частушкой и «самодеятельной» при таком способе рассуждения стиралась начисто.

Но вот предварительная подборка материала проведена, остается расположить его в книжке. «За последние годы, — писал А. Гуревич, автор вступительной статьи к сборнику, выпущенному в 1939 году в Улан-Удэ, — мы встречаемся с новым методологическим принципом опубликования частушек. Принцип этот рожден нашей замечательной советской действительностью»³. Здесь автор не вполне точен: принцип, о котором он говорит, применялся и в некоторых дореволюционных изданиях. Новым было лишь то употребление, которое получил он в сборниках, подобных улан-удинскому. Что же это за принцип? «Составители сборников берут тематически связанные между собой частушки, объединяют их одним ведущим заголовком, который выражает мысли и чувства всего советского народа. Заголовок каждой темы, как правило, берется из того или из другого обобщающего, ведущего частушечного текста»⁴.

Речь идет, таким образом, о тематическом принципе публикации. А своеобразие его использования применительно к современной частушке заключается в том, что составителя интересуют только такие частушки, которые выражают — ни много ни мало — «мысли и чувства всего советского народа». Предполагается, что эти самые «мысли и чувства» известны составителю заранее и потому он может без труда отделить «обобщающие, ведущие (!) частушечные тексты» от рядовых, обыкновенных.

Просматривая сборники частушек один за другим, встречаешь, как правило, одни и

те же тематические разделы. В улан-удинском сборнике они озаглавлены так: «Мы живем теперь в колхозе по уставу Сталина», «Каждый знает, каждый любит Сталинского сокола», «Стала женщина в почете бесконечно высока», «Смычку города с деревней закрепляет наш заем», «Кулаку колхозным строем мы всадили в сердце нож» и т. д. (всего тринадцать разделов).

Что бросается в глаза, когда рассматриваешь этот перечень? Прежде всего его дробность. Почему бы, кажется, не свести воедино, скажем, все частушки на общественно-политические темы? Соображения гут, по-видимому, были самые простые. Например, тема Красной Армии. Важная это тема? Безусловно. Достояна ли она, по важности своей, специального раздела в сборнике? Разумеется, достойна. И напротив: удобно ли, правильно ли будет, если столь важная тема не получит в сборнике специального раздела? Нет, конечно, неправильно и неудобно. Создается раздел о Красной Армии. А Советы? А Конституция? А антирелигиозная пропаганда? А подписка на заем? Да, конечно, отсутствие в сборнике любого из таких разделов нельзя не рассматривать как серьезное упущение...

Но поскольку раздел создан, его нужно достойным образом «укомплектовать». Неудобно, если в нем окажется слишком мало частушек, — это может скомпрометировать важную тему. Вот и приходится к одной подлинной частушке прибавлять пяток «самодеятельных», брать материал из вторых, из третьих рук, пренебрегать его художественным качеством и т. д. Это с одной стороны. А с другой — всячески сжимать и просеивать тот раздел, где материала всегда в избытке, — раздел частушек о любви, — иначе другие разделы будут в соседстве с ним выглядеть слишком бедными. К тому же любовь — чувство личное, а личное, как известно, не может занимать в нашей жизни слишком много места... Быть может, люди, занимающиеся изданием частушки, не всегда рассуждали в точности таким образом, но поступали-то они именно так.

Заданность, заданность, заданность. Она проявлялась и в том, что тематика публикации выводилась не из наличного материала, а из неких априорных соображений; и в том, что открывали сборник всегда разделы с общественно-производственным содержанием (располагавшиеся тоже, как правило, по ранжиру — по убывающей значи-

¹ «Частушки колхозной деревни», составитель И. В. Карнаухова. Л. 1937, стр. 14.

² А. Мореева и др. Как работать с частушкой, стр. 22.

³ Александр Гуревич. О частушках (в кн. «Частушки наших дней». Улан-Удэ. 1939, стр. 44).

⁴ Там же.

тельности затрагиваемых предметов), «личное» же вообще загноялось в конец, в хвост; и в том, наконец, что каждый заголовочек не только обозначал границы темы, но и полностью предопределял ее решение. В самом деле, трудно себе представить, чтобы под рубрикой «Стала женщина в почете бесконечно высока» могла найти себе место такая, скажем, частушка:

Бабы сеют и боронят,
Огороды городят.
Мужики сидят в правлень,
Папиросами чадят (1182)¹.

Частушки, помещенные в улан-удинском сборнике под этой рубрикой, выдержаны, понятно, в совершенно иной тональности:

Бригадирша Иванова
На собрании сказала,
Что ударница Купцова
Тысячу снопов связала (стр. 183).

Или:

Мы избрали Ольгу
Депутаткою в Совет.
Пусть она в Москву поедет,
Передаст вождю привет (стр. 185).

Таким образом, в условиях, когда частушке отводилась чисто иллюстративная роль, применение тематического принципа только увеличивало разрыв между подлинным «частушечным репертуаром» деревни и его печатными отражениями.

Не были в этом смысле исключением и те частушечные сборники, где наряду с записями советских лет представлены и дореволюционные. Они строились по принципу противопоставления: в прошлом — беспросветное горе и мрак, в настоящем — радость и веселье. Такое однолинейное противопоставление в сочетании с тематическим принципом публикации частушек, по-видимому, особенно стимулировало издательскую «самодетельность».

Вот, например, частушка:

Ты, машина, ты, машинушка,
Железные тяжи!
Увезешь меня, машинушка,
Далеко ли, скажи?

В сборнике «Русская частушка» («Советский писатель». М. 1941) мы находим ее в дореволюционном отделе под рубрикой

«Рекрутчина и солдатчина» (стр. 25), и по началу у нас не возникает сомнений в том, что место ей отведено в сборнике правильно. Действительно, по своему настроению, по чувствам (грусть прощания с родными местами перед отъездом в неизвестность и даль) она созвучна многим старорекрутским частушкам и не выделяется в окружающем контексте.

Правда, если бы присмотреться чуть внимательнее, можно было бы заметить, что ничего специфически рекрутского в этой частушке нет. Вместо рекрута ее мог в те времена сложить, скажем, переселенец или просто человек, отправляющийся в дальние края на заработки. Нельзя с полной уверенностью утверждать даже и то, что это мужская частушка: разве не могла ее спеть девушка, по той или иной причине вынужденная покинуть родной дом?

Но даже если бы такие соображения и приходили в голову при чтении, степень вероятности рекрутского происхождения этой частушки оставалась бы все-таки достаточно высокой. И вдруг, просматривая в конце книги «Указатель использованных источников», мы, к изумлению своему, узнаем, что и эту и ряд других частушек, помещенных в том же разделе, составитель сборника В. М. Сидельников записал... в деревне Новосоветского района Московской области в 1931 году!

Конечно, и при этих условиях догадка составителя могла оказаться правильной: частушечный «век» бывает иногда довольно долгим. Но степень ее вероятности теперь во много раз меньше. Во-первых, если частушка эта в самом деле «рекрутская», то почему не мог ее сложить призывник 1929-го, 30-го, 31-го года? Или чувство грусти при расставании со своей деревней, с родными и близкими было ему уже неизвестно? Во-вторых, разве только призывника ждала в те годы — в годы первой пятилетки, в годы коллективизации и ликвидации кулачества как класса — дальняя дорога, «машинушка, железные тяжи»? А самое главное — никакую, даже гораздо более обоснованную догадку составитель и издательство не имели ни малейшего права выдавать за факт.

Эпизод, рассказанный нами, к сожалению, не был исключением. Если мы откроем книгу «Русские частушки» (Гослитиздат, М. 1956, составитель Н. И. Рождественская и С. С. Жислина), один из наиболее объе-

¹ «Частушки в записях советского времени». В скобках — порядковый номер текста.

мистых и претендующих на солидность частушечных сборников последнего тридцатилетия, то здесь подобных «вольностей» можно обнаружить еще больше. Есть тут, к примеру, частушка:

Не завидуйте, подружки,
Что мы в городе живем.
Вы с постелюшки встаете,—
Мы с работушки идем (стр. 49).

Она помещена в отдел «Частушки о старой жизни» под рубрикой «Работа крестьянская» (?), хотя, как выясняется из такого же «указателя источников», записана Н. И. Рождественской не ранее 1928 года. Как будто после революции у нас уже не было ночных смен или работа в них перестала быть тяжелой!

Еще пример. В том же дореволюционном отделе, под рубрикой «Женская доля»:

С неба звездочка упала,
На земле растаяла.
Рано-рано меня мама
Сиротой оставила (стр. 83).

Ты, подруга моя Аня,
Горю не давайся.
Хотя горе, хотя два,
Ходи — улыбайся (стр. 90).

(Записи С. С. Жислиной, 1938 год)

Вновь остается только развести руками. На каком основании эти частушки объявлены «старыми»? Разве в 1938 году люди не оставались сиротами и у них не могло быть горя? И опять-таки: почему в этих частушках, особенно в первой из них, усматривается именно «женская доля»? До сих пор считалось, что сиротами бывают люди обоего пола.

Но пусть перед нами действительно дооктябрьская частушка, которая не забылась и была записана через двадцать пять — тридцать лет после своего рождения. Можно ли просто взять и зачислить ее в разряд «частушек о старой жизни»? Ведь если частушка живет, то не означает ли это ее современности, созвучности каким-то бытующим настроениям и чувствам?

И напротив: если уж исходить из возможности длительного бытования частушки, то почему не распространить эту возмож-

ность и на частушки мажорного, так сказать, звучания? Почему, скажем, частушка, записанная Н. И. Рождественской в 1933 году:

Я не стану к барабану,
Стану веялку вертеть,—
Стану веялку вертеть,
Про милбго песни петь (стр. 299).—

должна быть занесена непременно под рубрику «Социалистический труд»? Разве не могла она возникнуть в недалекие еще тогда доколхозные (а то и дооктябрьские) времена?

То же самое и в сборнике В. М. Сидельникова. Под рубрикой «Новый труд» читаем:

Солнце ходит высоко —
Уж весна не далеко.
К севу времечко идет —
Поле скоро позовет (стр. 69).

Или:

Я косила осенью,
Любовалась озимью,
Вот так озимь, вот так рожь,
Урожай будет хорош! (стр. 74).

Почему бы, справедливости ради, не предположить, что и эти частушки, записанные составителем в 1936 году, сложены в каком-нибудь 1895-м или 1910-м? Разве и в те времена не звало к себе поле крестьянина и разве не радовала его мысль о будущем урожае?

Впрочем, как бы убедительно ни звучали подобные доводы (а они, надо думать, приходили в голову фольклористам и двадцать и тридцать лет назад), в практической деятельности все равно руководствовались не ими. Принцип тут был другой: частушки, говорящие о дурном и неприглядном, независимо от времени записи, зачислялись по ведомству «старой жизни»; в современном же отделе, как и в специальных сборниках «советской частушки», царил сплошной мажор. Грусть допускалась здесь только в «любовных» разделах, да и то в порядке исключения, а критические ноты были выверены по особому камертону со строгим соблюдением таблицы о рангах: можно было посмеяться над колхозным бригадиром, в крайнем случае над председателем колхоза, но уже, скажем, директор МТС был как бы выше частушечной критики.

Конечно, и в сборниках, составленных по такому принципу, всегда был определенный процент подлинного материала, на нем при

¹ Мы исключаем, понятно, тот очевидный случай, когда в частушке говорится о каких-то конкретных исторических обстоятельствах: отруб, земство, японская и первал мировая война и т. п.

чтении отдыхаешь душой. Например, в советских разделах того же сборника «Русская частушка» под редакцией В. М. Сидельникова можно встретить действительно народные тексты, заключающие в себе живые приметы нового общественного сознания и быта:

Куплю Ленина портрет —
Золотую рамочку.
Вывел он меня на свет —
Темную крестьяночку (стр. 59).

Или:

Что ты, милый, редко ходишь,
В пятидневку восемь раз,
Если кажется далёко.
Приходи, живи у нас (стр. 114).

Но, к сожалению, не такие частушки опережают впечатление от сборника. Скорее напротив: своей непридуманностью и живостью они контрастируют с общим обликом этого и многих других подобных изданий, лишь резко оттеняя их характерные недостатки.

3

Каковы методы, таковы и результаты. Сейчас, когда один за другим пересматриваешь частушечные сборники, изданные в тридцатые и последующие годы, диву даешься, как неполно, приблизительно, а порой и просто неверно отражало содержимое этих сборников подлинную жизнь народа.

Взять, например, послевоенный период. Известно, в каком тяжелом положении находилась тогда наша деревня. А на страницах частушечных сборников, вышедших в это самое время, текли молочные реки в сельских берегах. Послевоенная деревня выглядела здесь краем всеобщего довольства, процветания и ничем не омраченной радости:

Широки поля колхоза,
Высоки у нас дома.
Нет на свете нас счастливей:
Хлебом полны закрома.

Старый месяц на исходе,
Новый нарождается.
Кто живет теперь в колхозе,
Ни в чем не нуждается.

В вечность канули тревоги,
Жизнь прекрасная течет;
Молодым везде дорога,
Старикам везде почет¹.

¹ Приспособление к основному частушечному размеру — четырехстопному хорю — известных строк Б. Лебедева-Кумача.

Эти частушки выписаны нами из вологодского сборника 1952 года¹; в других сборниках читателя ждали точно такие же райские куши. Частушечные публикации представляли собой в этом смысле полную параллель произведениям тогдашней «бесконфликтной» беллетристики; иллюстративная фольклористика была родной сестрой иллюстративной литературы. Они росли из одной почвы.

Не следует думать, однако, что вся беда была в «лакировке действительности». Крайности сходятся: попытки приукрасить жизнь и мнения деревенского жителя то и дело обращивались в частушечных публикациях обидным и несправедливым поклепом на него же самого.

Это может показаться странным, так как обвинение в «поклепе» обычно связывается с подозрением в очернительстве и скептицизме. Все дело в том, однако, что и похвальное, бодряческое слово может восприниматься как поклеп и несправедливость. Чем, если не поклепом, была попытка выдать за народное творчество, за непосредственное выражение народной души эти десятки страниц бездарного славословия, эти бестелесные, лишённые всякого живого чувства, отупляюще-однообразные поделки редакционных стихоплетов? А сама эта попытка представить всю жизнь русского крестьянина со времен двадцатых годов как сплошное благоденствие? Разве не была она обидным преуменьшением трудового и ратного подвига народа?

Но это еще не все. Во многих частушечных сборниках деревенской девушке и парню приписаны такие общественные добродетели, которые даже с точки зрения элементарной человеческой нравственности представляются весьма сомнительными.

Вот некоторые примеры. Они взяты из трех одноименных сборников, почти одновременно вышедших в Куйбышеве, Иванове и Саратове. В куйбышевском сборнике, который, кстати сказать, в одном солидном фольклорном издании удостоился похвалы за «значительную представленность» в нем «политически проверенной частушки»², есть, например, такая частушка, долженствующая

¹ «Частушки», составитель С. Викулов. Вологда. 1952, стр. 167, 169, 180.

² А. Н. Лозанова. Колхозные частушки (в кн. «Советский фольклор. Сборник статей и материалов». Издательство Академии наук СССР. М.—Л. 1936, стр. 395).

щая, очевидно, иллюстрировать классовую сознательность советского крестьянина и его способность поставить общественное выше личного:

В саду яблонька нудрява,
Ей название — анис.
Ты лишенка, я — колхозник,
За мной больше не гонись¹.

Столь же строго блюдет свою социальную чистоту «лирическая героиня» ивановской частушки:

Не пойду замуж за Петю,
Сколько бы ни сватали:
Как несдатчика в газете
Петю пропечатали².

Особенно изобилует примерами подобной «сознательности» саратовский сборник.

Я не знаю с Аришкой,
Нету смысла (!) знать с ней,
У Аришки в трудонкижке
Лишь пятнадцать трудодней.

Брошу лодыря я Прова —
Я не парочка ему.
Выйду замуж за другого,
За стахановца Фому.

Любовь и семейное счастье здесь столь же прямо зависят от трудовых успехов, как в будущем «производственном романе» конца сороковых — начала пятидесятих годов. В других частушках любовь поставлена в зависимость от иных, но не менее конкретных условий.

Я гуляю с Ермолаем,
Провожу с ним вечера,
Он задолженность по займу
Ликвидировал вчера.

Уходи-на, милый мой,
Рядом не присаживай (ся?).
Облигацию купи,
А потом ухаживай.

Альтернатива проста: любовь или облигация. Но, оказывается, можно упростить отношения еще больше:

Парни, ежели гулять
С нами вы хотите,
Облигаций новеньких
Нам приобретите³.

¹ «Колхозные частушки». Москва — Куйбышев. 1935, стр. 47.

² «Колхозные частушки». Иваново. 1936, стр. 45.

³ «Колхозные частушки». Саратов. 1937, стр. 110, 114, 33, 34.

Если верить цитируемым книгам, деревня тридцатых годов населена была бездумными и послушными пошляками, для которых не существовало ни совести, ни доброты, ни великодушия, ни любви.

Сам по себе факт существования подобных пошляков оспорить трудно: ведь кто-то составлял эти сборники, кто-то сочинял для них материал, кто-то их редактировал, цензуровал, издавал, кто-то даже произносил по их адресу похвальные слова в печати. И нельзя сказать, чтобы частушки вроде тех, что приведены были выше, не выражали вообще никакой нравственности. Нет, они выражали, и довольно точно выражали, ту особую мещанско-бюрократическую «нравственность», которая складывалась на основе известной концепции, низводившей рядового человека на роль «винтика». Но при чем здесь народная частушка?

Пожалуй, единственное, о чем можно составить сколько-нибудь достоверное представление по частушечным публикациям тридцатых—пятидесятих годов, — это всякого рода «текущие кампании», проводившиеся в деревне¹. По сборникам, выходящим за эти годы, легко проследить, какие темы занимали в разное время нашу печать.

Ой, подруга, запевай,
Сколько хватит голоса!
Про защиту урожая,
Про лесную полосу².

Или:

Запоем, подруги, песню
Не в один, в три голоса,
У Лысенко есть пшеница
Не в один — в три колоса³.

Это, можно не сомневаться, конец сороковых — начало пятидесятих годов, эпоха полезитных лесонасаждений, сельских электростанций и каналов.

Печатные частушки конца пятидесятих годов многократно воспроизводят памятный лозунг:

¹ Здесь уместно привести еще одно место из брошюры «Как работать с частушкой»: «Надо гесными узами связать творческую работу частушечников с клубной работой... и привлечь их к художественному обслуживанию (!) политических кампаний» (стр. 45).

² «Русская частушка», малая серия «Библиотеки поэта». Подготовка текста и примечания В. Бокова. Л. 1950, стр. 357.

³ «Частушки Воронежской области. Записи 1949—1953 гг.», составил С. Г. Лазутин. Воронеж 1953, стр. 59.

Мы дадим Отчизне тонны
 Мяса, масла, молока.
 Мы Америку догоним,
 Говорим наверняка!¹

Как же этого добиться? Частушечные сборники отвечали и на этот вопрос — ясно и твердо:

Будут яйца, будет сало,
 Будет масло через край (?),
 Только лишь животным вдоволь
 Кукурузы выдавай!²

«Животные», которые благодаря кукурузе не только обеспечивают салом и маслом, но и приобретают способность нести яйца, производили, наверное, сильное впечатление на читателя, особенно деревенского. Вскоре выяснилось, однако, что свою чрезвычайную миссию кукуруза одна выполнить не в состоянии. Началась короткая, но яркая эпоха бобовых культур и — одновременно — повсеместного изгнания овса и трав:

Травополку осудили,
 И никто не пролил слез.
 Травопольщики молили
 На поруки взять овес!³

О частушках, которые незадолго перед тем (в порядке «художественного обслуживания» тогдашних кампаний) прославляли и восхваляли ту же самую «травополку», — теперь уже не вспоминают. Но и самоновейшим частушкам о горохе, о бобах и о скептиках-маловеерах предстояло очень скоро обнаружить свою эфемерность.

Таким образом, в большинстве частушечных публикаций последних десятилетий наша жизнь, наша история отразилась очень неравномерно, по преимуществу своей внешней стороной. Видеть в этих «кукурузных» и тому подобных частушках сколько-нибудь подлинное выражение трудового опыта народа, его дум о хлебе и о земле, конечно, не приходится. Что по ним действительно можно изучать, так это приемы и методы иллюстративной фольклористики, ее «теорию» и издательскую практику.

Несправедливо было бы умолчать в этом обзоре о том, что протесты против фальсификаций, допускаемых при издании частушек, раздавались уже давно. Горячо и резко говорил об этом Артем Веселый. В предис-

ловии к составленному им сборнику «Частушка колхозных деревень» читаем: «К сожалению, к этому интереснейшему делу уже налетели тучи халтурщиков: вместо того, чтобы записывать из уст народа подлинную частушку, они «сочиняют» свою собственную, — чаще всего сидя в редакции районной газеты, — мутным потоком подобной халтуры пытаюсь подменить настоящую народную частушку»¹.

Несколько позднее, в 1939 году, с энергичным протестом против засидия в частушечных публикациях всякого рода подделок выступил поэт Виктор Боков. Он констатировал: «...из семи изданий последних лет — саратовский, курский, куйбышевский, иваново-промышленный, донской, кубанский, северный сборники и, наконец, капитальный выпуск Гослитиздата — не выберешь ни одного подлинно народного сборника, отражающего современное творчество. Ни один из них не обошелся без обилия частушек поддельных, иногда опошляющих политические темы исключительной важности». И далее: «Массовое появление фальсификаторских частушек и пренебрежение к частушке подлинной заставляет вынести этот вопрос на суд широкой общественности»².

Можно привести, наконец, сравнительно недавнее высказывание В. Базанова, относящееся уже не только к частушке: «Не следует забывать, что и фольклор и фольклористика оказались под влиянием теории бесконфликтности (не столько, конечно, фольклор — в подлинном значении этого слова, — сколько именно фольклористика. — Ю. Б.), той ходульно-воспевательной ритори-

¹ Артем Веселый. Частушка колхозных деревень. ГИХЛ. М. 1936, стр. 8.

Кстати, сборник, которому предпосланы были эти слова, во многих отношениях выгодно отличался от других подобных изданий своего времени. Правда, он также был построен по тематическому принципу, но тем не менее в нем преобладают записи, подлинность которых не вызывает сомнений. Можно пожалеть о том, что в связи с арестом писателя этот сборник вскоре после своего выхода в свет на многие годы оказался под запретом и сейчас представляет собой библиографическую редкость.

² Виктор Боков. О народной частушке, ее издателях и фальсификаторах («Литературный критик», 1939, кн. 8—9, стр. 237—238). К сожалению, в дальнейшем в собственной своей деятельности по изданию современной частушки В. Боков не всегда оставался верен той правильной позиции, которая была им заявлена в этой статье.

¹ «Частушки наших дней». Ярославль. 1959, стр. 20.

² «Частушки». Сборник. «Советская Россия». М. 1959, стр. 27.

³ «Частушки». Вологда. 1962, стр. 35.

рики, которая поддерживалась и насаждалась в годы культа личности... В дальнейшем предстоит внимательно разобраться в ворохе фольклорных публикаций, установить, что действительно принадлежит народной поэзии, а что относится к случайным опытам сказителей или является сознательной фальсификацией и несомненно должно быть исключено из поэтической летописи нашей эпохи»¹.

Во всех таких предостережениях был, однако, тот недостаток, что они указывали на следствие, не касаясь причин явления. Поэтому и в практических своих пожеланиях цитируемые авторы шли не слишком далеко. О том, чтобы записывать и публиковать «частушечный репертуар» деревни сколь возможно полнее, они, как правило, и не помышляют. Между тем уже сам по себе отбор (хотя бы и из безупречного в своей подлинности материала), оставляющий за бортом публикации все, что не соответствует некоему априорно принятому тезису, грозит в большей или меньшей степени исказить картину народного творчества. И когда мы в этом смысле говорим о недостатках многих частушечных сборников, то нужно отдавать себе отчет в том, что зло было не только в «сочинении» частушек взамен их собирания (это всего лишь одно из естественных следствий иллюстративного подхода к фольклору), но прежде всего — в самом этом сугубо избирательном, чисто иллюстративном подходе, по природе своей враждебном всякой подлинной науке.

В самом деле, если с науки о фольклоре мы перенесем взгляд на другие, смежные области народоведения (особенно в той его части, которая занимается изучением советского периода), то и там в недалеком прошлом увидим немало похожего.

XX съезд положил начало оживлению и подъему всей нашей общественной науки. Успехи ее весьма разительны. Тем не менее и в наши дни иллюстративный принцип все еще неохотно сдает свои позиции, — читатель мог убедиться в этом на примере частушечных сборников, изданных в 1959 и в 1962 годах.

Не представляет в этом смысле исключения и довольно объемистый сборник «Частушка», недавно вышедший в Большой се-

рии «Библиотека поэта»¹ и составленный в основном на базе прежних публикаций. Правда, в нем преобладают подлинно народные тексты, и располагаются они не по тематическому, а по хронологическому признаку: «Частушки эпохи революции и гражданской войны», «Частушки двадцатых годов» и т. д. Однако в остальном его составитель В. С. Бахтин идет проторенным путем: принцип отбора текстов (в особенности текстов общественно-политического содержания) носит чисто иллюстративный характер.

4

Наше повествование о современной печатной частушке было бы, пожалуй, слишком печально, если бы не сборник «Частушки в записях советского времени», выпущенный два года назад Институтом русской литературы (Пушкинским домом) в Ленинграде² (выше нам уже приходилось на него ссылаться). Он так разительно не похож на все то, чем на протяжении нескольких последних десятилетий потчевали читателя издатели современного фольклора³, что заслуживает особого обстоятельного разговора.

Само назначение сборника другое: дать читателю сколь возможно более полную и достоверную картину частушечного творчества за годы советской власти в русской деревне (а отчасти и в городе) северных и северо-западных областей Союза⁴. Этим определяется уже объем публикации. Книга, изданная Пушкинским домом, представляет собой самый большой частушечный сборник из всех, когда-либо выходивших в России. В нем 8230 частушек, тогда как в лучшем

¹ «Частушка». Большая серия «Библиотеки поэта». Издание 2-е. «Советский писатель». М.—Л. 1966.

² Издание подготовили З. И. Власова и А. А. Горелов. Вступительная статья (кстати сказать, чрезвычайно богатая мыслями и прекрасно написанная) Ал. Горелова. Ответственный редактор Б. Н. Путилов.

³ Об этом уже говорилось в печати (см. рецензию И. Правдиной «Летопись народной души» — «Вопросы литературы», № 11, 1966).

⁴ В книгу вошли записи, сделанные с 1917 по 1963 год в Архангельской, Мурманской, Вологодской, Кировской, Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, Карельской и Коми АССР, а также на Карельском, Калининском, Белорусском фронтах и в германских концлагерях периода Великой Отечественной войны.

¹ В. Базанов. Фольклористика и современность («Русская литература», № 2, 1964, стр. III—IV).

дореволюционном сборнике Елеонской¹— 6020, а в наиболее полных советских изданиях и того меньше: в книге Артема Веселого «Частушка колхозных деревень» — 3203, в сборнике «Русские частушки» 1956 года — 2883, в «Частушке» 1966 года — 3576.

Второе, еще более важное обстоятельство состоит в том, что весь материал сборника взят из первых рук. На протяжении последних тридцати лет стало обычным широко включать во вновь составляемый сборник тексты, уже побывавшие в печати, опубликованные не только в газетах или журналах, но и в ранее изданных сборниках. З. И. Власова и А. А. Горелов нарушают эту «традицию». В их книге весь материал свежий, впервые публикуемый и подлинный, он целиком взят из рукописных коллекций, хранящихся в архиве Пушкинского дома. Все это настоящие народные частушки — в том простом и ясном смысле, что сложены и поются они в самом народе, независимо от всех тех форм общения и творчества, которые связаны с книжной культурой. Поэтому стоит в любом, первом попавшемся месте открыть эту книгу — и вы сразу окупаетесь в «живую жизнь» народа со всем многообразием, пестротой и неожиданностью ее красок и оттенков.

Разумеется, и здесь имел место отбор — об этом прямо говорится в предисловии Ал. Горелова. Но, во-первых, «строгость» такого отбора была иной, нежели при составлении прежних сборников, куда из подлинных записей, насчитывавших сотни и тысячи частушек, нередко попадали только единицы. А во-вторых, — и это главное — другими были сами принципы отбора. «Отбирались, — пишет Ал. Горелов, — тексты, обладающие наибольшими художественными достоинствами либо интересными, характерными для песенной миниатюры художественными чертами (образность, рифмовка, лексические «фокусы»)»². Что же касается содержания, то хотя, как сообщает составитель, «предпочтение отдавалось текстам, отражающим народную психологию в типичных ее социальных и индивидуальных проявлениях»³, это вовсе не вело к какому-либо схематизму и односторонности. Дело по-видимому в том, что сами представления

о типическом оказались у З. И. Власовой и А. А. Горелова — не в пример многим их предшественникам — гораздо более научными и свободными от предвзятости¹. Не потому ли на страницах книги мы нередко встречаемся с частушками, не только контрастирующими, но и полностью противоположными по своему смыслу? (Для прежних сборников это вещь абсолютно невозможная.)

Вот, например, совсем рядом, на одной и той же странице, две частушки о пьяницах, записанные в 1940 году в одном и том же Боровичском районе Новгородской области:

Чего сидишь, чего глядишь,
Чего ты добиваешься?
За тя я замуж не пойду,
Что пьяный напиваешься? (7086).

С неба звездочна упала —
Я за пьяницу попала.
Ай, ничего, что пьет вино, —
Пойду я замуж за его! (7090).

Или такая пара частушек, записанных уже в послевоенные годы:

В Ленинграде жизнь хороша —
Меня дроля известил.
Я уехала бы, девушка, —
Колхоз не отпустил (835).

Мой залетка в Ленинграде —
И меня зовет туда.
Я в ответ ему писала:
Из колхоза — никуда! (7504).

Уже эти взятые наудачу примеры показывают, что отбор, произведенный сотрудниками Пушкинского дома, не был тенденциозным, не улучшал и не ухудшал действительности.

Стремление дать возможно более полную и достоверную картину частушечного творчества сказалось и на самом расположении материала в ленинградском сборнике. Его составители отказались от тематического принципа публикации, как в большой мере субъективного, «огрубляющего лирическое содержание» частушки. Вместо него был принят принцип хронологически-областной, обеспечивающий наиболее естественную

¹ В этой связи опять-таки стоит обратить внимание на само название книги — «Частушки в записях советского времени». Оно академически сухо, зато безукоризненно по своей научной гочности и объективности. Четко очерчивая временные границы публикации, такое название вместе с тем не задает никаких ограничений ее содержанию.

¹ «Сборник великорусских частушек» под редакцией Е. Н. Елеонской. М. 1914.

² «Частушки в записях советского времени», стр. 26.

³ Там же.

группировку материала: частушки располагаются по месту и времени их записи. Вместе с тем сборник снабжен чрезвычайно подробными и удобными указателями: тематическим, жанровым¹, географическим, именным, предметно-терминологическим². Взявши в этом отношении за образец сборник Е. Н. Елеонской, наиболее богатый по оснащенности научным аппаратом, составители ленинградского сборника пошли еще дальше. Если у Елеонской тематический указатель включал лишь пять рубрик, то здесь он удачно детализирован и дает несравненно более конкретное представление о содержании частушек. Значительно более полон и предметно-терминологический указатель. Помогая читателю ориентироваться в книге, находить интересующие его тексты, З. И. Власова и А. А. Горелов в то же время не предпринимает ни малейшей попытки навязать ему свое понимание и свою оценку их смысла или поэтических достоинств.

Таким образом, мы имеем дело с научным изданием высокого класса.

Своим содержанием, своей внутренней структурой, принципами отбора и организации материала книга «Частушки в записях советского времени» полемизирует с иллюстративными частушечными публикациями, «отменяет» их. Такая «отмена» совершается сама собой, и ей вовсе не противоречит очевидное отсутствие у состава

¹ Он охватывает частушки, которые обладают какими-либо типовыми особенностями формы: «страдания», «Семеновна», «нескладушки» и др. В особую рубрику выделены здесь и немногочисленные «самодеятельные» частушки, встречающиеся в книге.

² Можно пожалеть лишь о том, что указатели недостаточно тщательно отредактированы. Так, например, в тематическом указателе под рубрику «Лесозаготовки. Лесорубы» попала частушка № 343:

Колокольчики забрякали,
Затопал вороной.
— Ты готова ли, желанная?
Приехал за тобой.

Подобные примеры, к сожалению, не единичны, равно как и случаи явных пропусков. Так, под рубрикой «Жизнь в колхозе» почему-то не оказалось текста № 6577:

Говорят, в колхозе худо,
А в колхозе хорошо:
К покрову дали полпуда,
К рождеству дадут еще.

Впрочем, все это погрешности не слишком значительные.

вителей каких-либо полемических намерений. С другой стороны, эта книга продолжает прерванные в свое время добрые традиции русской фольклористики, как дореволюционной, так и советской. Традицию уважительного и серьезного отношения ко всему тому, в чем находит отражение реальная современная жизнь народа, его характер, его сознание, его многообразный опыт; традицию тщательного собирания, строго научного опубликования и непредвзятого исследования всех и всяких проявлений непосредственного поэтического творчества масс; традицию нетерпимости к каким бы то ни было фальсификациям и подделкам фольклора. Все это делает книгу «Частушки в записях советского времени» принципиально важным явлением не только в фольклористике, но и во всей современной общественной науке.

И в этом, конечно, отразились те черты нынешнего времени, то доверие к серьезной науке, которое все более утверждается у нас сейчас и мало-помалу берет верх над догматической и волюнтаристской тенденциями. А это, между прочим, означает не что иное, как восстановление ленинских принципов в обществоведении.

«В области явлений общественных,— замечал Ленин,— нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное... Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже». И далее: «...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»¹.

¹ В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 350—351.

Эти прекрасные слова имеют, как нам представляется, прямое отношение к предмету нашего разговора.

5

Одно из первых и самых сильных впечатлений, возникающих при чтении книги, выпущенной Пушкинским домом, есть впечатление яркой талантливости народа, ее коллективного автора. Конечно, в том частушечном море, которое разлито по ее страницам, найдется сколько угодно текстов, в художественном отношении ничем не примечательных, а то и наивных, слабых. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что в создании частушек участвуют не какие-то избранные единицы, а тысячи, десятки и сотни тысяч людей, не только далеких от какого бы то ни было профессионализма, но и не ставящих перед собою никаких сознательных эстетических задач. Напротив, можно лишь изумляться тому, как часто в таком действительно массовом и совершенно стихийном творчестве блещут искры подлинно высокого искусства.

Кажется, где тут и развернуться большой поэзии, в этих четырех коротеньких строчках, вмещающих в себя одну-две фразы, десять — двенадцать слов? Правда, попадают и частушки, отступающие от традиционного четверостишия или двустишия. Подобная поэтическая вольность становится иногда интересной художественной находкой:

Ягодиночка зачесывает
Набок волоса,
Закрывает свои рыжие,
бесстыжие,
зеленые,
в полосочку —
Не высказать, товарочки,
Какие у миленочка
Веселые глаза! (2457).

Или другой пример:

Все я лето не работал,
Сенокоса не косил — жарко!
Попросил у папки денег,
Папка рожу искосил — жалко! (2485).

Но такие случаи — редкость; как правило, частушка укладывается в свой обычный размер. И тем не менее она — самостоятельное, внутренне завершенное произведение, нередко весьма и весьма богатое по мысли и по чувству.

Талантливой и своеобразной оказывается подчас уже сама стиховая форма обычной четырехстрочной частушки. То порадуется свежая рифма:

Меня дроля изменил,
Я сказала: «Ох ты!
У тебя одна рубаха,
Да и та из кофты» (3022).

То богатство и разнообразие внутренних созвучий:

Посмотрю в большо окошко,
Что там дроля делает:
В лапотицах по назьмищу
С фонарищем бегаёт (460).

Девушка — не травушка,
Не вырастет без славушки,
Только та без славушки,
Котора хуже бабушки! (1404).

У подружки два Ванюшки,
У меня — ни одного.
Поклонюсь подружке в ножки:
«Дай Ванюшку одного!» (5852).

Но главная сила частушки — в выразительности ее языка. Частушка предельно непосредственна и безыскусственна; ее автор поет так же, как говорит:

Вон идут, вон идут,
У забора свищут:
Давай погасимте огни,
Пусть беседу ищут (4374).

Или:

Меня хаять — не нахаять,
Хвалить — не нахвалить.
Дроля знает боле вашего,
Отстаньте говорить! (3021).

Эта повседневная речь народа так остра и образна, что в ней чуть ли не на каждом шагу попадают самоцветы поэзии. Взять хотя бы традиционный частушечный параллелизм:

Это тоже не растопочка —
Осиновы дрова.
Это тоже мне не дрочечка —
Домой хожу одна (544).

А каковы сравнения! Вот «мужская» и по-мужски грубоватая частушка:

Хорошо товарищ пляшет,
Хорошо и дробанул.
Где ты взял такие ноги,
Не у лося ли стянул? (4906).

А вот «женская»:

С своим Сашей расставалась —
Белым камушком каталась,

Три дня поясом плелась,
Неделю пташечкой виласы! (7463).

Знает частушка и яркое поэтическое преувеличение:

Вспомни, дроля дорогой,
Как ты уговаривал,
Под ногами белый снег
До земли растаивал (2723).

Я по милочке соскучил,
Я горазд к ней захотел —
Лес и горы не держали,
Из-под ног огонь летел! (5138).

Образность частушки органична, основана на вековом крестьянском опыте, отсюда особая убедительность частушечного образа.

Ягодиночка обзарился
На рост высокой:
Сено мелкое зелено
Не сравнишь с осокой! (798).

Превосходство мелкой, с листочками травы над длинной, но почти несъедобной для скота осокой хорошо известно любому деревенскому жителю — на этом и строится забавная аналогия, доказывающая, что высокий рост соперницы отнюдь не достоинство. Другой пример — отповедь на насмешки:

Не смеяться вам над нам,
Голикам над венникам,
Щелоком не париться,
И вам не зубоскалиться! (962).

(Голик — тот же самый веник, но уже старый, обшарпанный, об него на крыльце обтирают сапоги.)

Не следует, однако, думать, будто в основе частушечной поэтики лежат непременно «мелочи быта». Читателю ленинградского сборника может встретиться и такой по-былинному могучий образ:

Широка моя постеля —
Мезень матушка-река!
Высоки мои сголовица —
Крутые берега! (1145).

Вообще нужно сказать, многие частушки обнаруживают в их создателях такую смелость поэтического воображения, какой может позавидовать профессиональная поэзия. Вот некоторые образцы:

Девушки, любовь горячую
Храните под платком!
Я хранила под косыночкой —
Раздуло ветерком! (1296).

Или:

У товарки дроля — сочень,
У меня — овсяный блин.
Давай, товарочка, осердимся
И дроличек съедим (2802).

Или такая просьба:

Мимо дролиного домика
Не ходят ноженьки.
Отнесите этот домик
Дальше от дороженьки (4831).

Особенно много выдумки — в юмористических частушках. Частушечный юмор может быть и беззаботно-веселым:

Никому так не обидно,
Как Ванюше-сироте:
Проглотил живую рыбу,
Шевелится в животе (1001).—

и немножко грустным:

Слава богу, понемногу
Стал я разживаться.
Продал дом, купил ворота,
Стал я заpirаться! (7265) —

и насмешливым:

У меня миленок маленький,
Как зернышко в овсе.
Дал копеечку на семечки,
Сказал: «Купи на все» (4989).

Читатель уже, наверное, заметил, что комический эффект в частушке обычно строится на несоответствии второго ее двуступенчатого первого. Первое в таких случаях бывает с виду вполне серьезным, иногда даже печальным или ласковым, и вдруг — нечто совсем неожиданное. Но лукавство деревенской девчонки может простирается еще дальше — порой она заманивает свою жертву вплоть до последней, четвертой строки:

Не стой, милый, у ворот,
Заходи к нам в хату,
Я сегодня пекла хлеба —
Оближи лопату! (8000).

Талантливыми, художественно совершенными бывают, разумеется, не только частушки мажорного, легкого настроения. Сборник Пушкинского дома содержит немало текстов, с большой поэтической силой выражающих серьезное чувство, и в том числе все оттенки печали — от грустной задумчивости до безысходной тоски:

Рыли милушке могилушку,
Укладывали в гроб.
Настоялся, нарвелся
У ее холодных ног (344).

Напишу письмо слезами,
Запечатаю тоской.
Отошлю письмо родителям
По почте городской (347).

Снежки белые, пушистые
Покрыли все поля,
Не покрыли только думушку
На сердце у меня (3410).

Когда читаешь эти и многие другие частушки, живо ощущаешь их связь с давними поэтическими традициями нашего народа, с его характером, с веками его истории, со всем тем родным и кровно близким, что для всех нас входит в понятие — Россия. В лучших своих образцах частушка верно хранит многие устойчивые черты национального художественного сознания, неисчерпаемые богатства народной речи. Вместе с тем она ничуть не консервативна и охотно вбирает в себя слова и выражения, принесенные новым временем:

Подарила я платочек —
Милый требует картуз.
У меня не кооперация,
Не райпотребсоюз! (1393).

На горочке крутой
Горит электричество.
Теперь не качество ребят —
Было бы количество (6912).

Эх, мальчишки вы, мальчишки,
Что это за нация!
По двадцать девушек любить —
Это спекуляция! (6918).

В кладовые русского слова частушка входит не бедной родственницей, а веселой молодой хозяйкой, которая без трепета берет в руки старые драгоценности, сдувает с них пыль, вертит так и этак:

Мой миленок — из дивленок,
Издивлюшечка моя.
Притворялся, издивлялся
На коленях у меня (55).

Супостатка¹ у ворот
Во всю головушку орет.
Не ори, верти головуя, —
Никто не отобьет (2499).

Мы с товарочкой тропиночку
Тропили заодно,
Она тропила из-за дробочки,
А я из-за кого? (3023).

На гулянку не явился
Мой большенный ослoux, —
Взял большенную дубину,
По избе гоняет мух! (8016).

¹ То есть соперница (в ряде других текстов — «лиходеечка», «конкуреночка», «свойнечка» и т. д.).

Как тут не вспомнить некрасовских строк о сильном и метком крестьянском слове, «какого не придумаешь, хоть проглоти перо!». Сколь бесцветными и пресными выглядят рядом с подобными живыми созданиями народного языка, народной поэзии те стерильно-«правильные» сочинения «в жанре народной частушки», коими заполнялись прежние иллюстративные сборники!

Можно было еще много говорить о талантливости народных частушек, о том, какие богатства поэзии вобрал в себя ленинградский сборник, но довольно и этого. Заинтересованного читателя отошлем ко вступительной статье Ал. Горелова, где выразительные возможности и поэтический строй частушки получили весьма разностороннюю, убедительную и тонкую характеристику. а также к специальным исследованиям в этой области. Сами же коснемся теперь другой, не менее важной стороны рассматриваемой книги — жизненного, социально-бытового содержания включенных в нее частушечных текстов.

6

Мысль о том, что частушку можно рассматривать как материал для изучения народной жизни, высказывал еще Глеб Успенский, присутствовавший, так сказать, при самом ее зарождении. «Собрав эти «частушки» с такою же тщательностью, как собираются статистические сведения обо всяких мелких подробностях хозяйства в крестьянском дворе, можно было бы, — замечал он, — иметь поучительный материал о широте духовной народной жизни»¹. И в дальнейшем мысль о большом жизнепознавательном значении частушек не раз звучала в устах фольклористов самых различных направлений, вдохновляя их собирательскую и издательскую деятельность. Ведь и те иллюстративные сборники, о которых говорилось выше, — они тоже предлагались читателю не иначе, как в качестве непосредственного выражения чувств и мнений самих народных масс, объективного свидетельства о состоянии народной души. Неосновательность этой претензии сегодня вполне ясна, но этим никак не отменяется возможность использовать сборник часту-

¹ Г. И. Успенский. Новые народные песни (Из деревенских заметок). Полное собрание сочинений. т. 12. Издательство Академии наук СССР. М. 1953, стр. 46.

шек, правильно, научно составленный, для социологического анализа современной деревни. Сборник Пушкинского дома впервые за долгое время дает такую возможность, причем даже более широкую, нежели лучшие из дореволюционных и советских изданий подобного типа.

Правда, тут кое в чем необходимо сразу же оговориться.

Подходя к частушечному сборнику как к источнику народоведения, нужно полностью отдавать себе отчет в том, что в этом смысле может и чего не может он дать.

Во-первых, надо учитывать тот простой факт, что частушка, эта крошечная четырехстрочная песенка, как бы ни была она лаконична, плохо приспособлена к тому, чтобы нести слишком большое количество информации. Во-вторых, это песенка по преимуществу деревенская, крестьянская, почти не затрагивающая жизни большинства других общественных слоев и групп. В-третьих, это песенка почти исключительно молодежная; частушки, сложенные людьми старших возрастов, не составляют, наверно, и десятой доли «частушечного репертуара» деревни. Нет нужды доказывать, что это обстоятельство сильно сужает круг чувств, переживаний, мыслей, интересов, жизненных фактов, опыта и т. д., выражаемых в частушке. Более того: это песенка даже не просто молодежная, но в основном девичья. Частушек, которые поются парнями, сравнительно немного. К тому же частушки парней и до сих пор в какой-то своей части «хулиганские», то есть или похабные, или же связанные с такими «пережиточными» явлениями, как пьянство, драки, поножовщина. Первые по понятным причинам совсем не попадают в частушечные публикации, вторые попадают лишь изредка.

Далее, в-четвертых, народная частушка — это песенка в огромной массе случаев интимно-лирическая. Главная ее тема — отношения между девушкой и парнем, реже — отношения внутри семьи. Вопреки распространенным в свое время утверждениям¹, частушки на общественные темы, хоть и не столь редки, как в дооктябрьские времена,

¹ «Если в имеющихся у нас записях старых частушек — писала, например, И. В. Карнаухова, — общественно-политическая частушка играла сравнительно с любовной ничтожную роль, то сейчас они заняли равное положение» («Частушки колхозной деревни». Л. 1937, стр. 12). Это была заведомая неправда.

тем не менее и в наши дни не составляют большинства. По справедливому замечанию Ал. Горелова, социальное выражается в частушке не столько прямо, сколько косвенно, «просвечивая сквозь индивидуальное». Поэтому некоторые стороны колхозной жизни никак не отразились в частушках, другие запечатлены очень неравномерно. Это, повторяем, определено именно естественными границами и особенностями жанра, интимно-лирического в первую очередь. Наконец, в-пятых, далеко не каждая частушка позволяет понимать ее буквально; эмпирическая конкретность, фактографичность частушечного высказывания обычно сочетается в ней с теми или другими формами поэтической условности.

Кроме таких внутренних, можно сказать — жанровых, ограничителей познавательного значения частушки приходится иметь в виду и такое внешнее, но не менее важное обстоятельство, как неполнота, случайность и относительная малочисленность всех имеющихся записей (а тем более публикаций) по сравнению с теми мириадами частушек, которые постоянно и повсеместно рождаются и исчезают¹ в современной русской деревне. Дело осложняется еще и тем, что в один ряд с частушками, находящимися в живом, активном употреблении, фольклористы нередко без всяких оговорок помещают тексты, которые по их просьбе припоминаются людьми старшего поколения, — такой способ записи сильно затрудняет исторический анализ содержания частушек.

Переоценивать народоведческое значение частушки, таким образом, не следует. И все-таки это значение очень велико. При всех сделанных нами оговорках, можно смело сказать, что с частушкой в этом смысле не конкурирует никакой другой из жанров русского фольклора, как традиционного, так и современного.

Сила частушек — в их количестве. Когда у нас в руках десятков частушек, они значат

¹ Принято думать, что забвению подвергаются лишь малосодержательные и художественно слабые тексты. Эта точка зрения, тем более столь категорически высказанная, не кажется убедительной. Практика бытования частушек такова, что забывается и не доходит до печати, конечно, большинство всяких — и талантливых и неталантливых — частушек; последние, может быть, в среднем, несколько чаще и раньше, чем первые, — только и всего.

немного: это десяток разрозненных штришков и фактиков, ничего или почти ничего не доказывающих. Но когда их, скажем, сотня, становится уже возможным как-то сгруппировать их по темам, по настроению и т. д. Тысяча, две, три тысячи настоящих народных частушек — это уже довольно солидный народоведческий материал, позволяющий с большой степенью обоснованности судить о тех или иных явлениях и тенденциях деревенской жизни. Представительность, репрезентативность подобного собрания оказывается сравнительно высокой. Что же сказать о книге Пушкинского дома, в которой, как мы помним, помещено свыше восьми тысяч добротных текстов? Едва ли найдется сегодня какая-либо другая книга (и не только в фольклористике), которая давала бы читателю столь же обширный и безупречный в своей достоверности народоведческий материал.

Возьмем для примера и перелистаем хотя бы те разделы ленинградского сборника, где помещены частушки, записанные в первые десять—двенадцать лет после революции.

Они переносят читателя в доколхозную пору, в недра стародеревенского уклада. Мы погружаемся в быт, в ежедневное течение жизни крестьянской молодежи северных и северо-западных областей (тогда еще называвшихся по-старому — губерниями). Днем работа в поле или по дому, а вечерами в какой-нибудь избе собираются «посиделки», «вечеринка», «беседа» — одно из основных мест исполнения (и самого действия) частушек.

Включенные в книгу записи позволяют весьма живо представить себе обстановку «беседы». Горит керосиновая лампа. Вдоль стен стоят лавки, на них садятся девушки («Мне досталось местечко — у шестка скамеечка» — 52), обычно с работой. К ним подсаживаются парни — рядом или прямо на колени. Приходят подчас и молодые женатые мужики, но их здесь не жалуют и весело гонят прочь:

Уходите, жоначи,
Постеля дожидается.
А мы рады — на радб:
Угол опростается (170).

Народу в самом деле хватает и без них:

Что у нас на вечеринке
Весело-превесело:
Кавалеров у нас много,
Девушек — до лешего (188).

Девушки работают — прядут или вышивают. Однако в присутствии парней их работа идет не слишком успешно. «Кавалера» порой приходится унимать:

На палец нитки не мотай —
Это не катушка.
Больше меня не целуй:
Я ведь не игрушка! (1892).

Но, с другой стороны, всем понятно, что работа на «беседе» — отнюдь не самое главное. «Беседа» — это вид любовной игры, поэтому ни девушка, ни парню совсем не безразлично, с кем они будут «сидеть»:

Не любой сидит у прялочки,
Любой пошел домой.
Покатились горячие
По кофте голубой (1886).

На «беседе» выясняются отношения, тут ссорятся и мирятся:

Не садись, хороший, рядом
С выговорами ко мне!
Супостатка через девушку,
Садись подле не (5683).

Молодые люди обмениваются здесь подарками — мотив, повторяющийся в десятках частушек этого периода, причем девушка дарит парню чаще всего платок или кисет, вышитый ею, парень же в свою очередь приносит ей «гостинцы» — угощает конфетами или пряниками. Эти гостинцы и подарки нередко составляют предмет веселого торга между «беседниками», взаимных уговоров, упреков, насмешек, маленьких хитростей:

Перестань, дроля, сидеть,
Перестань и говорить:
Много требуешь подарков,
Где — у лешого — дарить! (79).

Я сидела на обман,
Руку сунула в карман,
Все гостинцы обрала,
Ротозеем назвала (1909).

Дорогого моего
Ломало и коверкало.
Его ломало за платок,
Коверкало за зеркало (5740).

Но, конечно, «сидят» здесь не только «на обман»: на «беседе»-то чаще всего и завязываются узелки будущих брачных связей. Частушка говорит об этом со свойственной ей простодушной откровенностью и многообразием оттенков:

Я по бережку хожу,
По самому навесу.

Не для замужьнца сижу,
Сижу для антиресу (65).

Дроля, то — либо иное,
Ли приканчивай дела;
Не сижу без антиресу,
Бай: противна, ли мила? (116).

«Беседа» — принятый, «законный» способ ухаживания; за нею, если девушка согласна, должно последовать сватовство, также по всей форме:

На беседушне сиди,
На улке не захватывай!
Своим умом взамуж иду,
У батюшки высватывай (186).

И вот сваты едут! Едут не как-нибудь: «разукрашены саночки» (3910), «сбруя светла, конь гнедой» (143); едут — даже в том случае, если невеста живет в той же деревне и можно легко прийти пешком.

Сваты едут, сваты едут
Прямо ко крылечку.
Мама топнула ногой:
— Да зажигайте свечку! (2159).

В избе поднимается суматоха, но в конце концов все будет сделано «по обычаю», «как следует», «не хуже, чем у людей»...

В частушечных записях двадцатых годов нашли чрезвычайно широкое отражение все детали и этапы сложного стародеревенского свадебного обряда: обручение, смотрины, обсуждение приданого, венчание, наконец сама свадьба. Вместе с тем в них запечатлены и многие другие устойчивые черты быта тогдашней деревенской молодежи:

С наряжена ходила
Под скатерной биленькой.
Посмеялся надо мной
Принародно миленькой (97).

Милый на ногу ступает,
Ума-разума пытается.
Ничего, что молода,
У мя не выпытать ума (1997).

До чего обидно нам:
Наперед не ходят к нам.
Все деревни обойдут,
К нам досиживать идут (2105).

Скоро, девки, масленица, —
Кто нас покатает?
У дроли новы саночки:
«Садитесь, таличаночки!» (5710).

Число подобных текстов было бы легко умножить, но и тех, что были приведены, наверное, достаточно, чтобы у читателя возникло то впечатление, которое остается едва ли не самым сильным при чтении разделов

сборника, занятых записями доколхозных лет: впечатление уклад а жизни. На страницах книги — вся деревенская жизнь того времени: плотная, осязаемая, со всех сторон и в каждой своей мелочи освоенная и обжитая, обросшая привычками и обычаями. Во всем, что ее составляет, — какая-то тяжеловатая, но неоспоримая убедительность. Здесь есть, как будет показано ниже, свои противоречия, весьма глубокие и острые, но здесь нет ничего искусственного, выдуманного, случайного: все органически вырастает из того общего корня, каким является само жизненное положение крестьянина, экономическая сущность его хозяйства, решающие особенности земледельческого труда.

Записи двадцатых годов дают хорошую возможность проследить всестороннюю связь с этим корнем всего внешнего и внутреннего облика старой деревни, делают ощутимым самый механизм такой связи.

В том натуральном или голунатуральном хозяйстве, каким по большей части было тогда хозяйство крестьянина-единоличника, труд на земле был прямой и очевидной основой его существования. Если оставить в стороне факт найма рабочей силы, к стати сильно сократившегося в деревне после революции, то можно сказать, что это была работа непосредственно на себя: посеянный и убраный крестьянином хлеб весь ложился в его же закрома. От количества труда, вложенного им в землю, прямо зависело благосостояние его семьи. Земля и работа на ней сохраняли поэтому в глазах крестьянина свой изначальный жизненный смысл. Революция, которая уже своим первым декретом отдала крестьянству всю землю и освободила его от помещичьей эксплуатации, не разрушила, а, наоборот, можно думать, обновила и укрепила в нем чувство хозяина, любовь к земле и уважение к своему труду. Нет ничего удивительного, что мотивы земледельческого труда особенно обильно представлены в частушечных текстах, записанных в двадцатые годы.

Такой мотив составляет, как правило, содержание первого, «вспомогательного» двустишия частушки, реже — всего текста в целом. Обычно это простое сообщение о той или иной работе сельскохозяйственного цикла: «У новой байны лен броснула» (3), «Я ходила и окашивала кустик у реки» (49), «Милой паше и орае землю дерноватую» (83), «За овинном боронила, карька за повод водила» (2113), «Молотить не моло-

тили, только копны почали» (5158), «Поразросся куст малины — я ходила связывать» (5536), «Жала девушка овес, в снопочки вязала. Идет милаша по межи, кричит: «Снопочки завяжи!» (5406) и т. п. В ряде других частушек не просто названа какая-либо трудовая операция, но так или иначе выражен связанный с нею многовековой крестьянский опыт: «Котора елка суковата — на топор тяжелая» (1893), «Вы не пойте холодянкой карюшка усталого» (3838), «Не коская, не резкая травка заовинная» (5584) и другие.

Немало в записях первого советского десятилетия и таких частушек, в которых отношение молодого крестьянина к земле предстает как живое, интимное чувство. С отрадой смотрит он на свое поле, любуется и гордится им, радуется хорошему урожаю: «Наше полюшко красиво, в поле травушка густа» (15), «Наше поле шире, доле, рожь поколосистее» (1910), «В нашем полюшке овес от ветру кулыбається» (2211), «У кого какая рожь? У меня ядреная!» (6733) и т. д. И без того сильная, «власть земли» над человеческой душой особенно остро и больно обнаруживалась в момент разлуки:

Вы прощайте, поженки,
Все пути-дороженьки.
Поженки не кашивать,
Дороженькам не хаживать (2256).

Не последне ли я лето,
Не последний ли я раз
Распахал во поле пашенку,
Родители, для вас? (3845).

Эта любовь к земле и крестьянскому труду, это чувство хозяина принадлежат, без сомнения, к числу самых основных и определяющих черт в социальной психологии деревни. И это чувства естественные, здоровые, без них невозможно хозяйствовать сколько-нибудь успешно, без них, попросту говоря, нет крестьянина, а есть в лучшем случае добросовестный, исполнительный, «материально заинтересованный» и т. п. «работник сельского хозяйства»...

С глубинными основами крестьянского существования связаны были в доколхозной деревне и формы семьи, многие стороны и семейных отношений. Обычно это была большая семья, в которой согласно поговорке семеро по лавкам.

Ватка баенку построил —
Косяки еловые.
Матка деток наносила —
Все белоголовые (2183).

В семье царит, как правило, строгая дисциплина; власть родителей над детьми, в том числе и взрослыми, весьма велика. Жалобы на эту родительскую строгость — один из постоянных мотивов тогдашней частушки:

Я сегодня при обиде,
При большой досадушке:
На беседу не спустили,
Не дали лошадушки (2089).

Поживите-ка, подружки,
У моего-то тяти:
Попросилась на беседки —
Послал на полати (5283).

Отец — глава семьи. Семью и всех ее членов знают и именуют обычно по отцу: если он Петр, то и детей, назависимо от фамилии, зовут Петровы, если Василий — Васильевы. Видимо, по той же причине девушка в те времена нередко называла своего милого по отчеству (впоследствии эта форма в общении молодых людей становится все менее употребительной):

Задушевная и милая
Товарочка моя.
Люби Ивановича дрюлю,
Николаевича — я (21).

Особое положение отца в семье, конечно, не случайно. Он — основной работник, выполняющий в поле и по дому самые важные, самые тяжелые работы; он — главный кормилец. Если отец умирает, семье может грозить бедность.

...Хорошо ли тебе, тятенька,
В сырой земле лежать?
Вез тебя, родимый тятенька,
Не будут наряжать! (5225).

Неся на себе обязанности основного работника, отец (а если его нет, то мать или старший сын), естественно, выступает и как распорядитель хозяйства, организатор производства в рамках семейного трудового коллектива. Взаимоотношения его с детьми приобретают при этом подчас характер прямо-таки «производственных отношений»:

Попросила я у тятеньки
Пяти рублей на шаль.
«Поработай, дочка, лето —
Двадцати пяти не жалы!» (6608).

Отсюда, из этого естественно сложившегося разделения труда, как раз и происходит власть отца (и вообще родителей) в крестьянской семье, простирающаяся решительно на все стороны ее жизни, закрепленная и освященная многовековой традицией.

Едва ли не главное приложение родительской власти — брак детей. Жениат и выдают замуж родители, им тут принадлежит решающее слово:

Дорогой, не свагайся,
 Нам с тобой не сладиться:
 Ваша мать не хочет брать,
 Моя не хочет отдавать (3839).

Соображения родителей, как правило, чисто деловые: породнившись с зажиточной семьей, упрочить состояние собственного хозяйства, освободиться от лишнего «рта», взять в дом работницу:

Меня, молодца, женили
 По большой неволюшке:
 Стало некому работать
 Во широком полюшке (2184).

Эта «неволюшка» вызывает, конечно, протест молодежи, все более усиливающийся по мере пробуждения в крестьянине чувства личности. На пути хозяйственных соображений то и дело оказывается любовь. Несовпадение «делового» родительского выбора с тем выбором, который уже сделали либо хотели бы сделать сын или дочь, порождает конфликт, запечатленный во множестве частушечных текстов:

Дроля милой, дроля милой,
 Не жените дролю силой.
 Дайте годичек ему —
 Невесту выбрать самому (221).

У милашечки на задворке
 Талешенька земля.
 Взял бы, взял бы тебя замуж —
 Не позволила семья (1865).

За каждой из этих и многих других подобных частушек — чьи-то горькие слезы, чья-то несчастная судьба. Однако если мы хотим оценить институт патриархально-крестьянского брака с научной объективностью, мы должны вспомнить, что в основе такого брака лежала не чья-то злая выдумка, не самодурство корыстных стариков, а жизненная необходимость: он сложился в той тяжелой борьбе за существование, которую русскому крестьянину пришлось вести в течение столетий, и представлял собой закономерный и необходимый элемент в системе хозяйственно-бытового уклада старой деревни. Это во-первых. А во-вторых, не следует преувеличивать оппозицию этому браку со стороны крестьянской молодежи — даже в двадцатые годы, когда она уже имела все советские права. Жалуюсь на тот или иной конкрет-

ный случай произвола, иногда даже дерзко протестуя, автор частушки редко выступает против родительского права вообще. В то же время в книге, составленной З. И. Власовой и А. А. Гореловым, мы находим и тексты, доказывающие силу патриархальных понятий в сознании определенной части тогдашней деревенской молодежи. Вот как говорит она порой о свободе, о праве собственного выбора:

Спасибо, татенька и маменька,
 Меня поберегли.
 Большую волю не пустили —
 Молодой не выдали (1820).

Встречается даже такая просьба:

Я молоденькая девушка —
 Молоденький умок.
 Подержи, родимый батюшка,
 Во строгости годок! (3837).

Эта привычка к «строгости», привычка беспрекословно повиноваться некоей внешней силе, воспитанная в русском крестьянине патриархальным укладом и веками крепостного права, была поколеблена, но не устранена революцией. Она продолжала сказываться и в наше время, и не только в сфере семейных отношений, — факт, неоднократно засвидетельствованный нашей литературой.

Наряду с частушками, говорящими о решимости девушки уйти из родительского дома «самоходочкой», не раз повторяется и мотив противоположный:

Самоходной уговаривал —
 Была бы я за им.
 Вещества этого не сделаю
 Родителям своим (2141).

Самоходкою уйти
 Я не согласилась:
 По деревне с узелком
 Идти постыдилася (5793).

Тема «стыда», «бесчестья», недоброй «славушки» довольно часто появляется в доколхозных частушках. Однако, как показывают сами тексты такого содержания, дело тут вовсе не в каком-то особом падении нравов — во всяком случае на современный взгляд. Скорее напротив: эти тексты говорят о том, сколь требовательным и непререкаемым было общественное мнение деревни, сколь разветвленным и твердым — ее неписанный нравственный кодекс:

У меня батюшко такой —
 Не любит славы никакой.

Чуть маленько веселенько:
— Ты ступай, дочка, домой! (147).

Во своей деревне было,
Было униженьице.
Раньше хаяли меня,
Теперя — уваженьице! (5585).

Включенные в книгу записи двадцатых годов позволяют составить некоторое представление и о самом содержании этого «кодекса», о том, за что же, собственно, уважали и за что не уважали человека в тогдашней деревне. Наиболее показательна в этом смысле сатирическая частушечная галерея, записанная в 1917—1922 годах в деревне Конашевская Тарногского района Вологодской области. Высмеиваются девушки нескольких окрестных деревень. Приводим отсюда тексты, заключающие в себе именно нравственные оценки:

Как черниченски девицы
Вышивать не мастерицы,
Ихня пряжа на мешки,
К ним не едут женихи (3810).

Как демидовски девицы
Бога сбросили с божницы.
Это бога-то — ничто,
Так богородицу за что? (3811).

Уж как тюпрянски стряпухи —
В пирогах частенько мухи,
Голикам в печи метут,
Неудачи все пекут (3814).

Пятовлянки-то форсисты,
Одеваться любят чисто,
По-«масковски гаварят»,
Приманили всех ребят (3815).

Подкнящинские девахи —
Настоящие неряхи:
В избах сор не убирают,
Через год белье стирают (3817).

Бойки девки буквлянки,
Им дались одни гулянки,
Не пахать, не боронить,
Ребят в соломе хоронить (3818).

Отметим здесь прежде всего критику излишней «бойкости» — как в отношениях с богом (3811), так и с «ребятами» (3818). Это мотив, характерный для старой русской деревни, нередко предпочитавшей смелости, вольнодумству и озорству — верность обычаям, тишину и скромность. Впрочем, тут же следует заметить, что не менее характерен, особенно для «мужских» частушек, и мотив противоположный. Во всяком случае если «бойкость» порой осуждалась, то не любили в деревне и «недотеп»:

Дроля долгой, мотоватой —
Только веники ломать,—
На беседушку спроводил,
Не сумел поцеловать (256).

Знаменательны и другие мишени частушечных обличений: неряшество — с одной стороны (3814, 3817), «форс», то есть бахвальство и шегольство, — с другой (3815): Что касается последнего, то особенно неодобрительное отношение вызвало соединение шегольства с бесхозяйственностью:

Папа курит папиросы —
Ребятишки ходят босы.
Самоваришко кипит —
Мама с торбочкой катит! (5822).

На дворе одна корова —
И галоши на ногах.
До покрова только хлеба —
А тальяночка в руках (5830).

Легко заметить, что критерии, на которых в вышеприведенном частушечном цикле строится большинство оценок, взяты из сферы труда. Равным образом осуждаются здесь два порока: лень («ним дались одни гулянки», «в избах сор не убирают, через год белье стирают») и неумелость, неловкость в работе («ихня пряжа на мешки», «неудачи все пекут»). Обе эти темы встречаются и в ряде других тогдашних записей. Вот, к примеру, две частушки про шитье:

Шила милому кисет —
Вышла рукавица.
Мне мой миленький сказал:
«Шить не мастерица» (1889).

Про меня товарка судит,
А сама-то какова:
Две недели пришивала
К белой кофте рукава! (5606).

Трудовая основа нравственного кодекса деревни обнаруживается тут с большой очевидностью. В нем, как и во всем том хозяйственно-бытовом укладе, в недрах которого он постепенно складывался на протяжении длительного времени, все было жизненно и «непридуманно», органически взаимосвязано и цельно.

«Цельно», разумеется, отнюдь не в смысле некоей внутренней гармонии. Частушки, записанные в двадцатые годы, дают довольно точное представление о разнообразных противоречиях в жизни доколхозной деревни, о многих темных ее сторонах.

Взять хотя бы только область социально-имущественных отношений. Крестьян-

ская девушка тех лет хорошо ориентирована в этой области:

Полюбила, да и снаялася:
Много братовей;
Тебе не то что, дроля, дому,—
Не достанется дверей! (5468).

Точно и конкретно фиксирует частушка имущественное неравенство в деревне:

Все хороши при галошах,
А форсисты при часах.
Мой от милой пришаршился
В подшитых сапогах! (5210).

Сплошь и рядом это неравенство разделяет и самих влюбленных. Переноса социальный конфликт в свою заветную вотчину — в сферу отношений между девушкой и парнем, — частушка не ослабляет его остроты. Напротив, в этой сфере он становится особенно напряженным, а денежный расчет кажется особенно грубым:

Что к товару приценяться,
Нам которого не брать!
Что за этаким гоняться,
За которым не бываты! (5597).

Пойдемте, девки, по домам,
Кавалеры не по нам:
Богатые, да не тые,
Ведняков не надо нам (2083).

За богатыми часто «гоняются», им позволяют, то, чего не простят бедняку:

Я не дам тому смеяться,
Кто дешевле (!) меня:
Одна серая рубаха,
Нету смены никогда! (1883).

У миленочка калоши,
А мене не нашивать.
Побогатее меня —
Придется поукаживать (2213).

Бедняку же приходится терпеть унижения, обидные насмешки. «Сидеть» с ним можно лишь по ошибке или «для смеху»:

Я сидела с им за шутку,
Разговаривала — смех!
Четыре брата — одна шляпа.
Перекидывая на всех (258).

Вечерочек посидела,
Думала, что генерал.
Утром рано посмотрела —
Он коровушек погнал (5394).

Эти и подобные им тексты производят на современного читателя почти столь же невыгодное впечатление об их авторах, о нравах и понятиях доколхозной русской дерев-

ни вообще¹, как и некоторые «самодельные» частушки из прежних сборников. Но если там мы явно имели дело с унылыми творениями бюрократической музыки, то здесь перед нами тексты, в подлинности которых усомниться невозможно.

Правда, рядом с ними есть достаточно много частушек противоположного содержания, говорящих о бескорыстии, великодушии, о том, что любовь оказывается сильнее материальных расчетов. Скажем, такая:

Маменька, отдай, отдай,
Приданое налаживай!
Дом худой, мужик любой —
Отдай, не разговаривай! (1862).

Но подобные частушки не отменяют, не опровергают выписанных выше. Те и другие существуют бок о бок, доказывая лишь то, что к народной жизни и народному характеру, как, впрочем, и ко всякому иному сложному жизненному явлению, неприложимы (вернее — приложимы, но всегда недостаточны) какие бы то ни было однозначные оценки.

Приходит в голову и такое соображение: а может быть, все эти неприятные, корыстные мотивы в частушках, эти насмешки над беднотой и ухаживания за богатыми объясняются попросту тем, что в книгу попали тексты, сочиненные кулаками?

Такая возможность, вообще говоря, не исключена: авторы частушек по большей части неизвестны; что же касается содержания, то попробуйте по нему установить «социальное происхождение» хотя бы того текста, которым открывается сборник:

Я рябинушку ломала,
Вешала на огород.
Думала, любовь навеки,
Вышло все наоборот (1).

Можно ли утверждать, что огород в этом случае был непременно беднячко-средняц-

¹ Указанное впечатление оставляет и ряд частушек, не относящихся прямо к сфере социальных отношений. Взять хотя бы такие «родственные» пожелания и надежды:

У колодца вода сохнет,
У милого мамна сдохнет.
Сдохнет лютая змея —
Потом просватают меня (1900).

Кисни, кисни, кислый квас —
У свекрови вырви глаз.
Ты повыкисни, кислой,—
У свекра вылопни другой (2056).

кий? Или другая частушка на той же странице книги:

Я по дролечке редела,
Все таилася людей;
Всю подушечку смочила,
Сарафанчик до груди (12).

Разве не могли эти слезы девичьей любви, столь простодушно и сильно высказанной, пролиться и в кряжистом пятистенке богатого крестьянина? По-видимому, могли. Но если это так, то таких частушек в сборнике, наверно, довольно много.

Однако, с другой стороны, имеем ли мы право утверждать, что тот или иной текст, даже малопривлекательный для нас по выраженным в нем социальным чувствам, есть текст непременно кулацкий? Очевидно, нет, достаточно вспомнить справедливое замечание Ленина о том, что в каждом крестьянине живут одновременно «две души»: душа труженика и душа собственника. И если мы говорим о чувстве хозяина, которое заставляло крестьянина-единоличника старательно и любовно трудиться на своем поле, то нельзя забывать и о том, что в жизни к этому здоровому, доброму чувству нередко примешивался больший или меньший элемент собственнического эгоизма, зависти, жадности и злобы — свойств и качеств, которые столь же неизбежно вытекают из самой природы единоличного хозяйствования. В той же самой мере, в какой частушка «Я по дролечке редела...» выражает чувства и переживания общечеловеческие, заявления вроде: «Бедняков не надо нам» — несут в себе некоторые широко распространенные в доколхозной деревне понятия и оценки. И очень хорошо, что З. И. Власова и А. А. Горелов, отбирая материал для своей публикации, не пытались разделить неразделимое, не ставили перед собой надуманных вульгарно-социологических проблем.

Что же касается действительно кулацких частушек, то есть той части текстов, сложенных в упомянутом пятистенке, которая выразила именно особенности мировоззрения и общественно-политической позиции кулачества, то таких частушек, «частично известных из публикаций 20-х годов и произведений советских писателей», в сборнике нет¹. И можно добавить: жаль, что

нет. Ведь кулацкие частушки — это тоже какая-то грань доколхозного фольклора и какое-то историческое свидетельство, пусть из лагеря, нам враждебного. Сегодня, через три с половиной десятилетия после ликвидации кулачества, когда эти частушки давно утратили всякую политическую актуальность и действенность, нет решительно никакого резона оставлять их за бортом таких научных, академических публикаций, как сборник Пушкинского дома.

Частушка первых лет Октября многосторонне отразила революционную новь. В ней нашел отзвук грохот падающих тронов:

Царь Николашка —
Вверх батарашки,
Вниз головой —
С престола долой! (5160).

По Германии проклятой
Революция прошла.
Убежал Вильгельм жестокий
На голладские края (2281).—

и две войны, из которых одна едва успела закончиться, как началась другая: «Шестой годичек воюют наши ягодиночки» (5313); Частушка поет о возвращении измученного войной солдата:

Ой, не мой ли ягодиночка,
Не мой ли дорогой —
Эполетики оторваны —
Совсем идет домой? (5388) —

и о дезертирах, которые скрываются по лесам:

Дезертир перебегает
Яровое полюшко.
Красна Армия — в деревню.
Дезертиру — горюшко (5861).

В числе персонажей тогдашней частушки мы встречаем и другие характерные для того времени лица: председатель комбеда, комиссар, балтийский матрос. Эти люди полны революционной энергии, иногда она даже бьет через край:

Ничего, что голы, босы,
Зато балтийские матросы.
Кто наступит на носки,
Того разрежем на куски! (6703).

Много частушек о коммунистах и комсомольцах, и среди них — такие, которые с несомненностью свидетельствуют о том, что

¹ А. л. Горелов. Русская частушка в записях советского времени, стр. 7—8. В качестве примера частушечной публикации, которая включала тексты, родившиеся на

противоположных полюсах социального конфликта, назовем «Современную частушку» Д. Семеновского («Красная новь», № 1, 1921).

звания члена партии и Союза молодежи пользовались в деревне двадцатых годов немалым уважением:

С неба звездонька упала
С высоты на самый низ.
Мой товарищ — агитатор,
Я — партийный коммунист (5219).

Мне не надо серьги, бусы,
Теперь девушна не та:
Записалась в комсомолки,
Беспартийным не чета (5420).

Правда, родители сердятся:

Меня любит комсомолец,
Дома слушать не хотят:
Тятя с мамой обожают
Больше верущих ребят (5416).

Но молодежь тянется к новому, неизведанному, непохожему на то, что она привыкла видеть вокруг себя:

Деревенские не в моде —
Нынче в моде писаря,
Комсомольцы да приезжие,
Еще учителя (2099).

Там чьи, чьи идут?
Чьи-то незнакомцы.
Брюки — клеш, галифе,
Это комсомольцы! (5429).

С приезжающими из города комсомольцами в темноту деревни проникают лучи цивилизации, порой очень забавно преломляющиеся в частушке:

Не умела я читать,
Милые родители,
Да, спасибо, научили
Новые правители (6723).

Еще жуковские девки
Очень тиглигентные:
Умеют под руку гулять
И по-культурному кашлять (5787).

Образуются новые этические понятия. Если раньше добродетелью считалось «тихое» поведение, послушание, скромность, то теперь в ход пошли активные, «бойкие» люди, и бойкость стала восприниматься как положительное качество:

Говорят, милаша боек,
Буду бойкого любить.
Нынче смиренные не в моде,
Не умеют говорить (5421).

Все эти новые явления и факты, новое направление молодых умов вызывает характерный для деревни двадцатых годов конфликт «отцов и детей». Неуважение к

«отцам», к их взглядам и законам становится порой даже предметом гордости и бравады:

Сами, сами комиссары,
Сами председатели.
Никого не почитаем —
Ни отца, ни матери! (6702).

И в иных случаях родителям приходится уже примириться со своеволием детей:

За комсомол-то меня маменька
Ругала и кляла.
Отступилась родимая,
Мне волюшку дала (5430).

Впрочем, частушки такого содержания в те годы еще сравнительно немногочисленны. Как ни сильны были новые веяния, процесс размывания патриархальной деревни, ее быта и отношений к концу первого революционного десятилетия прошел еще не слишком далеко. Да он и не мог пройти особенно далеко, поскольку сохранялась экономическая основа старокрестьянского быта — хозяйственная система, базирующаяся на единоличном землепользовании и в известной мере даже укрепленная революцией (отмена помещичьего землевладения, осереднячение деревни). Как констатировала в своей резолюции XVI партийная конференция (апрель 1929 года), «мелкое хозяйство далеко еще не исчерпало и не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности»¹.

Однако не пройдет и года, как деревня — со всем своим хозяйственно-бытовым укладом, со всеми своими понятиями, обычаями, нравственными правилами — вступит в полосу грандиозной революционной ломки. Начнется новая история советской деревни — теперь уже общественной, колхозной. Появятся и новые частушки, где в своеобразном, свойственном этому жанру преломлении выразится многое из того, чем будет жить наш народ на протяжении последующих десятилетий, столь важных в его исторической судьбе.

Уже из рассмотренного примера, из анализа одного только периода пятидесятилетней истории советской частушки можно, таким образом, видеть, какой интересный и богатый материал для познания русской

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е, часть II. Госполитиздат. М. 1954, стр. 579.

деревни дает добросовестно, по-научному составленная фольклорная публикация.

Но частушки, записанные в двадцатые годы, которыми мы воспользовались в качестве такого примера, составляют лишь небольшую часть из общего числа текстов, вошедших в сборник Пушкинского дома. Остальные, то есть значительное большинство, записаны в тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы. Эти несколько тысяч настоящих народных частушек многое могут рассказать о том новом, что принесла в деревню коллективизация, о тех социально-нравственных процессах, которые происходили и продолжают происходить в жизни советского крестьянства.

Взять хотя бы такую пару текстов, составляющих вместе как бы разговор девушки и парня:

Заиграла венка весело
На тоненький мотив.
Собирай, милаша, тряпочки,
Поедем в коллектив! (3722).

Помилаша в коллективе,
Приглашает и меня.
Рада, рада бы, миленочек,
Да воля не своя (3720).

Разве эти и подобные им частушки не являются объективным свидетельством того, что значительная часть деревенской молодежи встречала колхозную новь с живым интересом, оптимизмом и верой? Тот, кто интересуется этим периодом, найдет для себя в тогдашних частушках немало любопытного — вплоть даже и до такой, например, частушечной параллели к переживаниям Лушки и Тимофея Рваного из «Поднятой целины»:

Мы с товарочкой ходили
Выселенцев провожать.
Наши милые ревели —
Не хотели уезжать (2371).

А частушки, родившиеся в тридцатые годы уже на почве колхозной жизни!

Нас узнать-то очень просто,
Мы не хитрых манер.
Из Хмелинушки-деревенки,
Колхоза «Пионер» (2413).

Пятилеточке работаю,
Работаю на ять.
Кабы нам не пятилеточки —
На курсах не бывать (285).

Говорят, что лесорубки,—
Мы не лесорубочки!

Ну каки мы лесорубки —
По колено юбочки! (471).

Хорошо бы лес возить,
Тяжело наваливать.
На навалке дроли нету —
Не с кем разговаривать (453).

Ягодиночка-то мой
На тракториста учится,
Его бедная головушка
Горазно мучится (3644).

Гляньте, бабы, веселее,
Нынче не об чем скучать,
За седьмого за ребенка
Будем тыщи получать (2891).

Председатель золотой,
Секретарь серебряный,
Отпустите погулять,
Сегодня день неведренный (3651).

Парни дрались, ругались
С осени до осени.
В комсомольцы записались —
Хулиганить бросили (3695).

Можно ли сомневаться в том, как много способны дать для познания чувств, настроений и самих фактических обстоятельств жизни деревни первого колхозного десятилетия несколько сотен таких частушек?

Среди частушек, затрагивающих общественные темы, особенно большое место в книге занимают тексты, связанные с Великой Отечественной войной. И это естественно: пожалуй, нѣ одно событие нашей истории не было пережито всем народом и каждым советским человеком в отдельности столь глубоко и лично, как эта война. Многие частушки военного времени и сегодня невозможно читать без глубокого сердечного волнения.

У милого на груди
Видно орден впереди.
Да ноженька погублена,
Как березка срублена (659).

Ягодиночка, из армии
Пиши, пиши, пиши!
Не жалея места бумаги —
Пожалей моей души! (4191).

С оборонные работушки
Не буду убегать.
Дроля борется за родину,
Я буду помогать (3202).

Неужели пуля злая
Ягодиночку убьет?
Пуля, влево, пуля, вправо,
Пуля, сделай перелет! (7412).

Не запить мне своего горюшка
Ни пивом, ни вином.

Не забыть своих сыночков
Мне ни ночью, ни днем! (7405)¹.

Ты, лядиначка, лядиначка,
Волотная вода,
В партизанах ягодиночка —
И я пойду туда (588).

Партизаны, где вы были,
Где вы находились?
Немец деревню жег с народом —
Вы не заступились! (7347).

Не дожидаться тех минут,
Когда с Германии придут.
Папиросочки засветятся,
Тальянки запоят (1782).

И вот, наконец, великий праздник Победы:

Девушки, у нас веселье,
На границе тишина.
Сорок пятого, девятого
Закончилась война (4189).

Война закончилась уже двадцать два года назад, и за это время наша деревня перевернула не одну важную страницу своей истории. Записи послевоенного периода составляют примерно треть объема всей книги — сколько там интересных, талантливых, социологически-содержательных текстов!

По-стахановски работа,
По-стахановски еда,
По-стахановски с ребятами
Гуляли до утра! (3288).

Говорят, что не гуляю,—
Удивительного нет:
У нас всего четыре мальчика
На целый сельсовет (4378).

Дроля, серенькую кепочку
Когда оденете?
Школу среднюю окончите,
Куда поедете? (4897)².

На беседах невесело,
Егорушка один.
Давайте, девушки, Егорушку
Под лавку закатим (4998).

Мой кудрина в Ленинграде
Управляет ротой.
Я, девчоночка, в колхозе
На быках работаю (6910).

¹ В редакционном примечании сообщается, что у исполнителя этой частушки Л. Н. Потехина (семидесяти семи лет) в годы Великой Отечественной войны погибли два сына на фронте.

² В тридцатые годы та же частушка звучала в более скромном варианте:
...Семилеточку окончили —
Куда поедете? (2530).

Встань-ка, маменька, пораньше
Посмотри на зорюшке:
Дочь на тракторе вспахала
Все колхозно полюшко! (7071).

Ягодиночке-то надо,
Чтобы в шляпочке была,
С редикульчиком ходила,
Говорила все на «а» (1226).

Скоро, скоро я уеду,
Скоро я смотаюся,
Заберу свои лохмотки,
На Алтай отправлюся (7547).

Нам кажется, что даже по этим немногим текстам, приведенным без особого выбора и системы, можно почувствовать, что те несколько тысяч настоящих колхозных частушек, которые вошли в сборник Пушкинского дома, представляют собой с точки зрения науки подлинное богатство. Социологу, этнографу, историку, литературоведу просто грех было бы им не воспользоваться.

С другой стороны, можно надеяться, что работа по научной публикации частушки будет продолжена и читатель в скором времени получит еще многие тысячи добротных текстов. Это тем более желательно, что «заданный объем» ленинградского сборника ограничил его состав частушками, записанными, как мы помним, только в северных и северо-западных областях европейской части Союза — факт, в известной мере локализирующий познавательное значение книги. Между тем, по сообщению Ал. Горелова, в том же архиве Пушкинского дома имеются записи и по ряду других областей. Среди них «необходимо в первую очередь назвать уникальную сибирскую коллекцию М. В. Красноженовой — около двух тысяч частушек Красноярского края (1889—1935 гг.)», а из послевоенных записей «куйбышевское собрание Егорова — около пяти тысяч номеров, бузулуцкое П. Завьяловского — более двух тысяч» и другие. Подобные собрания, порой весьма обширные, хранятся также и во многих других архивах. «Издание первого тома записей частушек советской эпохи... могло бы,— пишет Ал. Горелов,— положить начало систематическим публикациям частушек из архивохранилищ СССР». Это предложение хочется всячески поддержать.

